

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

МЕРТВЫЕ КАНАРЕЙКИ
НЕ ПОЮТ

ЕЕ ЖИЗНЬ ПРЕКРАМИ В ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ УЖАСОВ, КОТОРЫЙ НАДО ОСТАНОВИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ...

Авантюрная мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Мертвые канарейки не поют

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Мертвые канарейки не поют / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2019 — (Авантюрная мелодрама)

ISBN 978-5-04-100116-2

Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться! Когда богач, красавец и мечта всех девушек Гоша Барковский предложил ничем не примечательной студентке Рите Тарасовой стать его подружкой, ей следовало бежать от него со всех ног. Тогда она не поехала бы на дачу Барковских, не стала бы жертвой преступления, совершенного отцом Гоши, не потеряла бы счастье, семью и сам смысл существования... Монстры Барковские превратили жизнь девушки в череду сплошных бед – персональный фильм ужасов, и ей надо любой ценой остановить его...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100116-2

© Леонтьев А. В., 2019
© Эксмо, 2019

Антон Леонтьев

Мертвые канарейки не поют

Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук.

Джон Локк

Влюбилась в него Рита с первого взгляда – да и *могла ли* она в него не влюбиться?

Конечно, ей было прекрасно понятно, что сохнет по нему, своему однокашнику, учившемуся на курс старше, Гоше, не только она одна.

Но и *что с того?*

И тот факт, что у Гоши, высокого спортивного шатена с обаятельной улыбкой и волшебными зелеными глазами, есть подруга, причем официальная, едва ли даже не невеста, эта насквозь вульгарная, но такая сногшибательная Эльвира, Риту не волновал.

Ненавидя эту самую Эльвиру Князь (аристократическая фамилия и имя голливудской кинозвезды *у рабоче-крестьянской девицы!*), отец которой был директором крытого рынка, Рита тайно завидовала ей – еще бы, ведь помимо могущественного предка, по слухам тесно связанного с криминальным миром, шикарнейшей двухуровневой квартиры в центре города, а также кучи импортных шмоток и самых что ни на есть настоящих сверкающих цацек, она обладала тем, чего были лишены все остальные воздыхательницы – правом называться *подругой Гоши Барковского*.

Рита прекрасно понимала, почему Гоша остановил свой выбор на Эльвире, а не на ней или любой *другой* девице с их юридического факультета. Помимо физической привлекательности, Гоша располагал мозгами и, судя по всему, был парнем весьма расчетливым. Его собственный отец, известный в городе адвокат, наверняка поощрял дружбу сына с дочерью владельца рынка.

А кем были ее, Ритины, родители? Отец и мать – врачи, причем не какие-то главные в больницах-поликлиниках или хотя бы заведующие отделением, тем более, не важняки из областных медицинских структур и уж точно не владельцы частных клиник красоты или чего-то в этом роде, а вполне обыкновенные: папа – педиатр, мама – участковый терапевт.

Да и внешностью – и это Рите было также *хорошо* известно – она взять Гошу тоже не могла. Да, рост у нее модельный, однако сходство с королевами подиумов этим и ограничивалось. Свои длинные рыжие волосы Рита ненавидела, веснушек стеснялась и пыталась их вывести при помощи разнообразных народных средств, а про фигуру и говорить нечего – «кожа да кости», бывало, вздыхала, глядя на нее, ныне покойная бабушка.

Что еще ужаснее, она не могла похвастаться таким огромным фронтоном, каковой выпирал из вечно слишком узкого декольте Эльвиры: Рита уже смирилась с тем, что грудь у нее небольшая, по ее собственным понятиям даже крошечная, и самым сокровенным ее желанием в последнее время было разбогатеть и...

И вставить импланты! А если найдутся деньги, то и изменить коренным образом внешность, радикально поменять стиль и, сделавшись роковой соблазнительной *блондинкой* или, на худой конец, *брюнеткой*, причем непременно с грудью более чем *заметной и ощутимой*, перешагнуть через упавшую от зависти в обморок Эльвиры, приблизиться к онемевшему от восторга объекту своих мечтаний, взять его лицо в свои руки и впиться в губы столь пленительным и нескончаемо долгим поцелуем, чтобы потом...

– Приветик, малышка! – раздался низкий мужской голос, вырвавший Риту из сладостных мечтаний во время перерыва между парами.

Девушка, примостившаяся около подоконника и жевавшая пирожок из университетской столовки, вздрогнула, подняла глаза в ужасе, потому что *узнала голос* и увидела перед собой тот самый объект своих желаний, Гошу Барковского.

О, если бы это была сцена из ее великолепного и столь прекрасного будущего! Она бы не растерялась, одарила его чарующей улыбкой или, наоборот, излучая арктический холод, выдала колкую фразу, или...

Однако была она сейчас не в будущем, а в настоящем, причем далеко не великолепном и отнюдь не прекрасном, а весьма жалком, и все это было не сценой из слезливого фильма или мелодраматического романчика, а эпизодом из суровой реальности.

Посему, вопреки законам сентиментального жанра, Рита вздрогнула и зашлась в кашле, потому что от неожиданности судорожно проглотила еще толком не прожеванный кусок пирожка, который, как и все печености в университетской столовке, был клейким и потому застрял у нее в горле.

Натужно кашляя, Рита пыхтела, а озабоченный Гоша, с недоумением глядя на нее, произнес:

– С тобой все в порядке?

Было ли с ней все в порядке? Объект ее мечтаний, принц на белом коне, точнее, *сын известного адвоката на черном джете*, до сих пор ее не замечавший, вдруг сам подошел к ней и сказал: «Приветик, малышка!»

А она, как дура, с куском пирожка, приклеившегося к гортани, не может вымолвить ни слова!

Рита замотала головой, сигнализируя, что все, мол, в порядке, и краем глаза заметив, что на другом конце коридора появилась сопровождаемая своей свитой принцесса Эльвира. И это значит, что она скоро окажется здесь, заграбастает своими когтистыми лапками Гошу – и все, Ритин разговор с ним закончится, так и не успев начаться.

– Ну, я, знаешь, по какому поводу хотел бы с тобой поговорить... – начал молодой человек.

Рита мотнула головой, с облегчением чувствуя, что кусок пирожка наконец-то проскользнул вниз, открыла рот, чтобы произнести нечто ужасно умное и крайне интригующе, хотя еще понятия не имела, что именно, и вдруг громко, на весь коридор, икнула.

– Гошик! – раздался певучий голосок Эльвиры, возникшей рядом с женихом, чтобы взять его под локоток. – Вот ты где! А я-то обыскалась!

В этот момент Рита, покрасневшая до корней волос и знающая, что выглядит она ужасно, потому что щеки у нее налились багрянцем, а уши запылали, будто раскаленные в духовке, снова икнула, на этот раз еще громче, чем в первый раз.

– Ты с *ишаками* общаешься! – ввернула Эльвира, целуя Гошу в щеку. – Только зачем они тебе?

Рита, готовая отдать все на свете, чтобы икота прошла, опять икнула, хотя и пыталась любыми путями воспрепятствовать этому.

Не вышло.

Придворная камарилья Эльвиры, расфуфыренные девицы, хамски захохотали, а Рита, чувствуя, что надо что-то предпринять, уже изобрела ответную фразочку, махнула рукой...

И оранжевая начинка пирожка, тертая морковь, полетела на дорогуший белоснежный мех, которым был оторочен капюшон приталенной кожаной курточки Эльвиры.

Та, гневно сверкнув глазами, завопила:

– Это даже не ишаки, а *шимпанзе*! К нам приехал бродячий цирк-шапито!

Рита снова громко икнула.

В общем, это было ужасно, и на лекции в тот день Рита больше не пошла – сбежала сначала из коридора в туалет, заперлась в кабинке и, игнорируя громкий стук в дверцу с другой стороны, дождалась, чтобы ее оставили в покое. Потом вышла из туалета и, воровато оглядываясь, быстро покинула здание юридического факультета.

То ли от стресса, то ли сама по себе, но икота прошла столь же внезапно, как и началась. Выбежав из дверей юрфака, Рита устремилась в близлежащий парк, откуда вышла на набережную, тянущуюся вдоль могучей реки, разделяющей город на две части.

Нет, вот ведь *дура!* Хотя какая же дура – Эльвира была права, она помесь ишака с шимпанзе! Теперь объект ее желаний, Гоша, никогда, ну просто *никогда* больше не заговорит с ней.

Рите было так стыдно, что она не спала целую ночь, наутро сказала больно́й, и мама, пощупав ее лоб, признала, что *у ребенка явно жар*.

Может, от переживаний, может, оттого, что она слишком долго в этот октябрьский день бродила по продуваемому ветрами берегу реки, но Рита и в самом деле заболела.

Лежа в кровати с забитым носом и вспухшим горлом, тем самым, в котором застрял кусок этого злосчастного пирожка из столовки, Рита мечтала о том, что раздастся звонок в дверь и появится он...

Объект ее мечтаний, *Гоша Барковский*.

Принц на белом коне, вернее, сын известного адвоката *на черном джипе*.

Она прекрасно понимала, что ничего такого *никогда* не произойдет. Вот просто *никогда*. Но ужасало ее даже не это, а мысль о том, что любая простуда, даже самая тяжелая, рано или поздно пройдет, ей придется выйти с больничного и отправиться опять в университет, на юрфак.

Туда, где она так опозорилась.

Рите хотелось, чтобы об этом инциденте забыли. Чтобы о нем никто не вспомнил. Чтобы сплетничали о чем-то ином. И она понимала, что Эльвира *никогда* не простит ей этого – не только того, что она оплевала морковкой из пирожка ее меха. От внимания Эльвиры не ускользнуло: Гоша сам подошел к Рите, воспользовавшись тем, что его невеста была где-то в другом месте, и по собственной инициативе завел с ней, помесью ишака и шимпанзе, разговор.

Такого Эльвира, *конечно же*, никогда ей не простит.

Поэтому Рита, обычно ужасно переживавшая из-за того, что приходится пропускать занятия в университете, с легкостью согласилась на предложение мамы по причине болезни посидеть дома *еще недельку*, пока все не пройдет.

Простуда-то давно отступила, а вот страх, поселившийся в сердце Риты, никуда не делся.

Наконец, наступила пятница второй недели, и девушка осознала, что от проблем не убежать: тянуть дальше было нельзя, ей, чтобы не отстать, надо было возвращаться на занятия. Ведь, в отличие от представителей золотой молодежи, зачисленных на юридический благодаря связям, взяткам или в качестве услуги влиятельным родителям, Рита честно сдавала экзамены, единственная из всего потока написала сочинение на «пятерку», упорно набирала баллы, для чего зубрила ночи напролет – и оказалась в числе счастливиц, попавших на юрфак на бюджетные места.

Ее родители, даже если бы и захотели, не смогли бы дать кому-то на лапу, потому что не знали, кому, да и давать было нечего. А адвокатская практика была Ритиной мечтой на протяжении целого ряда лет – она хотела стать самым крутым и высокооплачиваемым адвокатом города.

И, кто знает, может, перебраться из их провинциального центра в Питер или Москву...

В конце концов, какая разница, как ты выглядишь, важно, что у тебя в голове. Ведь адвокатов-мужчин по красоте не оценивают, так отчего от адвокатов-женщин требуют походить на супермодель?

Достаточно было бы *не икать на весь коридор и не плевать морковкой*.

И все же...

Ей так хотелось перевоплотиться в роковую блондинку – ну, или хотя бы *брюнетку*. Ибо тогда увеличились бы ее шансы стать подругой Гоши.

Запретив себе думать о Барковском, Рита все время только о нем и думала. Нет, как было бы хорошо, чтобы раздался звонок в дверь и на пороге появился он, ее Гоша...

Только Рита понимала, что такой звонок никогда не раздастся и никакой Гоша на пороге не появится.

Внезапно в дверь позвонили, и Рита, сидевшая в кресле и думавшая о Гоше, дернулась, при этом неудачно задев локтем о стоявшую рядом гладильную доску. Руку тотчас пронзила острая боль, девушка, чувствуя, что на глазах выступили слезы, ринулась в коридор, проклиная того, кто заявился в гости без приглашения.

Она распахнула дверь с яростным выражением лица – и обомлела, увидев на пороге объект своих мечтаний – Гошу Барковского.

А она была в стареньком халате, оставшемся от покойной бабушки, с немытыми, небрежно забранными в конский хвост волосами, в растоптанных, но таких удобных тапочках на босу ногу.

Чучело, да и только!

Принц на белом конце, вернее, *на черном джипе*, выглядел, как всегда, идеально, однако Рита заметила легкую улыбку в уголках его рта.

То, о чем она мечтала, сбылось – и она оказалась не готова к исполнению своих сокровенных желаний.

Вот ведь *идиотка!*

– Добрый день, Рита, – произнес Гоша своим чарующим низким голосом, – вот, хотел узнать, все ли с тобой в порядке. А то ты на занятиях давно не появлялась...

Девушка замерла, судорожно соображая, что делать. Ее рука вцепилась в воротник старенького халата, и она приняла решение: нет, в квартиру не приглашать! Потому что там беспорядок, а на кухне гора грязной посуды, которую она еще с утра намеревалась вымыть, но так и не сделала этого, мечтая о встрече с Гошей.

Домечталась.

– С тобой ведь все в порядке? – произнес он, и Рита хрипло выдавила из себя:

– Ну да...

И вдруг в ужасе подумала, что снова начнет икать. В горле запершило, грудь сдавило, не хватало еще, чтобы она, нагнетая истерику, вызвала у себя новый приступ икоты...

– Ну, а выглядишь ты, если честно, не очень... Понимаю, болеешь... Вот, смотри, я тебе тут конспекты привез...

И Гоша протянул ей стопку тетрадей. Рита взяла их, не удержала и уронила на пол.

Не только идиотка, но и *растяпа!*

Она кинулась поднимать тетрадки, слишком поздно сообразив, что ворот халата распахнулся, открывая ее костлявое декольте, повернулась – и ударила лоб в лоб с Гошей.

Точно, *шимпанзе!*

– Тебе не больно? – переполошилась она, а молодой человек, протягивая ей тетради, произнес с улыбкой:

– Ну, может, самую малость...

Наверняка следовало пригласить его к себе, а потом, после чая с пряниками (хотя по законам жанра это должен быть непременно *джин с тоником* или на худой конец *коллекционное шампанское*)...

Да, что *потом?*

Секса у Риты, девятнадцатилетней студентки третьего курса юридического факультета, еще не было. А в том, что четверокурсник Гоша Барковский двадцати одного года от роду был опытным ловеласом, одержавшим множество побед на эротическом фоне, Рита ничуть не сомневалась.

Значит, есть шанс, что ее первым мужчиной станет... Нет, и о чем она только думает!

– Ты... *зайдешь?* – произнесла Рита, слишком поздно осознав, что не знает, как поступить, если Гоша ответит на это предложение согласием.

Не вести же его в гостиную с гладильной доской, продавленной тахтой и выцветшим ковром на стене. Или на кухню с грудой грязной посуды в мойке и дребезжащим древним холодильником без ручки.

Однако объект ее мечтаний, одарив Риту улыбкой, ответил:

– Нет, извини, мне пора. Меня ждут...

Ну, конечно, его ждала подружка Эльвира – хотя вряд ли на белом коне, вернее, в *черном джипе* около подъезда. Наверняка в одном из крутых VIP-клубов в центре города, или на элитной даче, или даже на частном катере, бороздящем просторы реки.

– Ну, ты выздоравливай, пожалуйста... – произнес молодой человек. – Ах, забыл сказать, что мой *старик* читал твою прошлогоднюю курсовую. И хочет предложить тебе в этом году писать курсовую у него, а потом и диплом... Он считает тебя весьма перспективным кадром, и я с ним в этом согласен...

Прижимая к бющейся под стареньким халатом груди конспекты, явно писанные не Гошей, подобную ерунду не признававшим, а кем-то *для* него, Рита почувствовала, что у нее засосало под ложечкой.

Ведь под *стариком* Гоша явно имел в виду своего отца, известного адвоката Барковского, который номинально числился при одной из кафедр доцентом, читал курс по криминалистике на юрфаке и делился со студентами своим богатым профессиональным опытом.

– Ты ведь не откажешься? – произнес молодой человек, и Рита быстро произнесла:

– Да... Нет, я хотела сказать, нет... *То есть да!!!*

Господи, *что за чушь* она несет? Кажется, в присутствии своего кумира она не может связно мыслить.

А кумир-то ей только что сообщил, что его легендарный отец, для Гоши, конечно же, *старик*, считает ее весьма перспективным кадром!

Старик, который является владельцем самой крутой юридической фирмы в областном центре, который на ты с мэром, ходит на утиную охоту с губернатором и парится в сауне с местными олигархами...

Собственно, она мечтала стать именно таким адвокатом, как Барковский-старший, только, конечно, без утиной охоты с губернатором и сауны с местными олигархами.

Однако столь же успешной, богатой и влиятельной. И, быть может, даже еще более *крутой!*

Почему бы и нет?

– Так да или нет? Что мне старику передать? – произнес Гоша, и Рита выдохнула:

– Конечно же, да! Передай Льву Георгиевичу, что я сочту за честь писать у него курсовую, а потом и дипломную...

Молодой человек, усмехнувшись, одарил ее взглядом своих изумрудных глаз и ответил:

– Ну, это старик сочтет за честь... Да, глаз у моего предка наметанный, ты кадр более чем перспективный, Рита... Потенциал просто гигантский!

А затем произошло невозможное – Гоша, склонившись, быстро поцеловал ее в щеку, и Рита уловила терпкий аромат его дорогого одеколona.

– Ну, выздоравливай! Ты ведь в понедельник в универ подгробешь? А то старик уже весь в нетерпении, ему нужны перспективные студентки...

И, не дожидаясь ответа, он одарил Риту умопомрачительной улыбкой и элегантно скатился по лестнице вниз. Рита же, прижимая к груди конспекты и вслушиваясь в эхо его шагов, впрочем, быстро исчезнувшее, стояла на пороге и думала о том, что после *черной* полосы в жизни непременно наступает *белая*.

Банальная истина, которая, однако, оказалась сущей правдой.

Все выходные, несмотря на то, что погода стояла великолепная – прохладная, но солнечная, – Рита торчала в своей крошечной комнате, в которой когда-то жила вместе с бабушкой, и читала завезенные Гошей Барковским конспекты.

Значит, его, как он выражается, *старик* положил на нее глаз. И сразу понял, будучи прозорливым законником, умеющим тотчас вывернуть любого человека наизнанку, что потенциал у нее просто гигантский.

Рита не просто воспряла духом, она буквально переродилась. Она *такую* курсовую заказывает, а потом *такую* дипломную, что Барковский-старший тотчас предложит ей место у себя в фирме!

А потом будет сенсационный процесс, на котором она разобьет доводы прокурора в пух и прах, о ней напишут в газетах, а также в Интернете.

А потом...

– Ребенок, тебе нужно еще посидеть дома, гланды пока воспалены, – авторитетно сказала мама, но Рита взбунтовалась, заявив, что больше ни дня не пробудет дома и в понедельник *обязательно* отправится на учебу.

– Ладно, на следующей неделе ноябрьские праздники, неделя-то короткая, – положил конец их спору отец. – Да и ребенок рвется к знаниям так, что не удержать.

Удержать ее не смог бы никто. Если еще день назад при мысли о том, что ей придется снова оказаться в стенах юридического факультета, Риту била нервная дрожь, то в понедельник она переступила порог, держа под мышкой конспекты, которые привез ей Гоша Барковский, и ничего и никого не боясь.

– *Ишачка!* – раздался мелодичный голос, и Рита, повернувшись, заметила Эльвиру, облаченную в абсолютно не подходящий для стен учебного заведения наряд из красной скрипящей кожи с такого же цвета мехом.

Ее свита подобострастно захихикала, а кто-то глумливо добавил:

– *Шимпанзе!*

– От кучки гамадрилов слышу! – с мягкой улыбкой заявила Рита, успевшая за две недели продумать тактику защиты и заготовить колкие фразы. – Кстати, вы в курсе, как пишется слово «гамадрил»? Думаю, нет, ведь свои школьные аттестаты вы купили. Кстати, гамадрилы знамениты своими, пардон, голыми красными задницами. Примерно такой же расцветки, как твоя курточка, Эльвира! Она случаем *не из кожи с задницы гамадрила* скроена?

Раздался хохот – это надрывались прочие студенты, ставшие свидетелями их перепалки. Самое удивительное, что среди одобрительно ухмылявшихся были дружки тех самых расфуфыренных особ из свиты Эльвиры, а также сверкавший изумрудными глазами Гоша Барковский.

– Нет, ты так просто не уйдешь! Ты, дрянь, мне за все ответишь! Ты...

Рита, уже отошедшая в сторону, обернулась и увидела, что испуганная челядь расступается, пропуская Эльвиру с перекошенным лицом и явным намерением вцепиться ей в волосы или даже в лицо длиннющими кровавыми ногтями. Увы, красавица поскользнулась на своих гигантских, столь нелепых в университете, каблуках, полетела на пол и уткнулась головой в массивную филейную часть важно шествовавшего мимо препода по римскому праву, крайне

сварливого старика по прозвищу Лысый Гном. Да причем так неловко, что штаны крайне любимого студентами доцента съехали вниз, обнажая гигантских размеров фиолетовые трусы.

– Ты что себе позволяешь! – тотчас взвился Лысый Гном, а кто-то из толпы гогочущих студентов произнес:

– Она ваш фиолетовый тыл с красной задницей гамадрила перепутала!

На этот раз грохнул весь коридор, да так, что в хохоте потонули и отчаянные вопли Лысого Гнома, и жалобные завывания сидящей на грязном полу Эльвиры.

Когда появился кто-то из деканата, смеющихся студентов как ветром сдуло. Рита, стоявшая чуть поодаль, наблюдала за тем, как Гоша прижимает к себе истерично рыдающую Эльвиру, стараясь ее успокоить, а Лысый Гном, тыча в девицу пальцем, обвиняет ее во всех смертных грехах и требует ее немедленного отчисления.

Рите даже стало почти жаль Эльвиру. Почти. Ведь не так давно все хохотали над ней самой, а теперь эта гордячка стала всеобщим посмешищем.

И жизнь повернулась к ней *задницей гамадрила*.

– Как ее фамилия, я спрашиваю! – кипятился Лысый Гном, видимо, оскорбленный поведением Эльвиры до глубины души, ну, или туши – *под* фиолетовыми рейтузами.

Из аудитории, за приоткрытыми дверями которой толпились студенты, по-прежнему с гигантским интересом наблюдая за развитием ситуации, кто-то прогнусавил:

– *Задница гамадрила!*

Опять послышался дикий хохот, Лысый Гном топнул ногой, да так, что его штаны снова съехали вниз, Эльвира во весь голос зарыдала, а Гоша, подхватив ее на руки и не обращая внимания на распоряжения работницы деканата, понес девушку прочь.

– *Задница гамадрила!* – значительно повторил кто-то загробным голосом, и стало понятно: это нелicenseприятное прозвище приклеилось к всеми не любимой несчастной Эльвире *намертво*.

Рита же смотрела вслед Гоше, видела, как нежно прильнула к нему Эльвира, обхватив его крепкую шею, и думала о том, что все бы отдала, лишь бы оказаться на месте этой самой «задницы гамадрила».

А потом ужаснулась: что, если Гоша посчитает ее виновницей всего случившегося с Эльвирой, не захочет с ней, Ритой, более общаться и вообще отговорит своего отца от того, чтобы она писала у него курсовую?

Последовали полные мучительных раздумий лекции, во время которых Рита, обычно очень внимательно слушающая преподавателей и конспектировавшая каждое слово, никак не могла сосредоточиться. Прежние страхи снова вернулись, и девушка поняла, что у нее поднимается температура и начинает раскалываться голова.

Рита решила, что на семинар не пойдет. Едва дождавшись окончания очередной лекции, вышла на свежий воздух и заметила паркующийся у здания юридического факультета черный джип Гоши – номер его она знала *наизусть*.

Рита ринулась в парк, не желая сталкиваться с молодыми человеком, однако услышала его голос:

– Рита, *подожди!*

Она остановилась как вкопанная, дрожа при мысли о том, что сейчас может последовать. Гоша заявит, что ее поведение невыносимо, он сделал соответствующие выводы, им не стоит больше общаться...

– Рита! – Гоша, запыхавшийся и от этого даже более красивый, чем обычно, нагнал ее на другой стороне дороги, при входе в парк, около гипсовой фигуры колхозницы с венком из пшеничных колосьев. – Ну, куда же ты так спешишь? Нам надо *поговорить!*

Чувствуя, что сердце уходит в пятки, Рита послушно опустилась на скамейку, а молодой человек, вздохнув, произнес:

– Я должен перед тобой извиниться. Поведение Эльвиры невыносимо. Однако я сделал соответствующие выводы. И принял решение, что нам с ней не стоит более общаться...

– *Правда?* – вскричала Рита с такой кровожадной радостью, что сама испугалась.

Однако Гоша, похоже, не заметил ее эйфории и продолжил:

– Ну да. Она меня уже давно стала напрягать. Слишком претенциозная, а по сути – пустышка. Мне *такие* не нравятся. Не то что, к примеру, ты...

Рита почувствовала на себе пристальный взгляд его изумрудных глаз и поняла, что, как это водится за ней в подобных ситуациях, начинает мучительно краснеть.

– И как она на это отреагировала? – произнесла она первое, что пришло ей в голову, желая одного: вообще сказать хоть что-либо.

Гоша снова вздохнул:

– Я пока с ней об этом не говорил, потому что у нее была одна из тех истерик, которые она также любит закатывать и которые мне порядком поднадоели. Я отвез ее домой, пришлось даже вызвать медсестру, чтобы сделала укол успокоительного. Пусть спит и приходит в себя, правда, некому присматривать за ее младшим братишкой Юриком, который вот-вот из школы придет, так что мне придется сейчас снова туда поехать. В таком состоянии я ей, как ты сама понимаешь, конечно же, ничего сказать не могу.

Настал черед Риты вздохнуть.

– ...однако я сделаю это в самое ближайшее время, потому что наши с ней отношения исчерпали себя. Тем более, как ни ужасно это звучит, мне не нужна подруга, ставшая всеобщим посмешищем и заработавшая кличку *Задница Гамадрила!*

Он усмехнулся – как всегда, задорно и обаятельно, но Рите сделалось не по себе.

Эльвира была мерзавкой, причем отъявленной, и Рита ненавидела ее всеми фибрами души. *Однако...* Жутковато было слышать от красавца Гоши, что ему не с руки иметь подружку, ставшую всеобщим посмешищем и получившую обидную кличку.

– Ну, она ведь не виновата... – начала девушка, однако осеклась, потому что Гоша взял ее руку и провел по ладони пальцем.

Медленно-медленно, нежно-нежно...

– Она получила то, чего заслуживает. Потому что *дура*. А дураков всегда бьют. Вот ты, Рита, к примеру, не дура...

Он продолжал водить по ее ладони пальцем, и Рита, млеющая от этого, вдруг поняла, что с большим трудом сдерживает стон.

– ...У нее все вертелось вокруг, извини за откровенность, траханья. А я, может, и произвожу впечатление сердцеда, но вовсе не такой. Она мне давно надоела, так что представилась отличная возможность от нее избавиться.

И снова прикосновения подушечек пальцев к коже – волнительные, трепещущие, электризирующие.

– Но она ведь будет так расстроена... – начала Рита, а Гоша вдруг взял ее другой рукой за запястье и произнес:

– Давай забудем о ней. Она в прошлом, и слава богу. Ты оказала мне неоценимую услугу, детка...

Он назвал ее *детка!*

Рита закрыла глаза. Да, в самом деле, нет смысла думать об Эльвире. Но неужели все так... *невероятно?* Прямо как в ее самых смелых мечтаниях.

Даже еще *круче*.

Продолжая говорить, Гоша нежно щекотал ее, и Рита знала: если он попытается поцеловать ее в этот момент, то...

То она *сама* повиснет у него на шее!

Внезапно прикосновения прекратились: заверещал мобильный телефон Гоши, *небывалая новинка*, которой у них в семье, да и во всем доме, ни у кого не было.

Но ведь у них и папа не самый известный и богатый адвокат города.

– Извини, это старик звонит... Но я не буду принимать звонок. Кстати, у тебя какие планы на ноябрьские праздники?

Какие у нее планы? Броситься этому красавцу с изумрудными глазами на шею и...

Рита со стыдом подумала о том, что она все еще девственница. Наверняка Эльвира вытворяла с ним в постели *такое*, о чем Рита не имеет *ни малейшего* представления, а если бы и имела, то умерла бы от стыда.

Но ведь Гоша сам сказал, что он не такой. И она поверила ему. Да, он не такой, не как его дружки, которые в открытую обсуждают, кого бы «завалить», «разложить», «прожарить».

Гоша был другой – *ее* Гоша.

– Никаких! – выпалила Рита, слишком поздно поняв, что надо было, вероятно, потянуть, подумать, сделать вид, что у нее планов громадье, ее зовут друзья на дачу, у них семейное торжество, у подружки день рождения...

– Ну и отлично, – заявил молодой человек. – Тогда я в среду часика в два дня за тобой заеду. У нас будет небольшой семейный сабантуй, а старик хочет совместить приятное с полезным и побеседовать с тобой о твоей курсовой, ну, и вообще о будущей твоей карьере. Тебе ведь в два подойдет? Ну, мне пора, смена бэбиситтера у Юрика ждет!

В последующие два дня Рита не находила себе места. Во вторник Гоши на занятиях не было, как, впрочем, и Эльвиры, что было понятно – и в аудиториях, и в столовой, и в коридорах то и дело звучало словосочетание «*задница гамадрила*», за которым неизменно следовал взрыв смеха.

Но самым ужасным было то, что несколько фрейлин из свиты Эльвиры, уже, видимо, прознавших об охлаждении к ней со стороны Гоши Барковского, вдруг начали увиваться вокруг Риты и навязываться к ней в подружки. Девушка пыталась спастись от них бегством, однако ее новая свита преследовала ее буквально по пятам, распевая осанну ее чудным рыжим волосам, ее интеллекту и вкусу Гоши, который положил на нее глаз.

Внимание этих предательниц, еще день назад ни в грош ее не ставивших и вращавшихся, словно спутники, вокруг звезды по имени Эльвира, было Рите противно, и она сбежала от этих особ: попросила их после занятий подождать у центрального входа, пока она «припудрит носик», и ретировалась через боковой выход.

Домой Рита вернулась, когда уже стемнело, потому что долго бродила по парку, разгребая ногами опавшие листья и думая о том, что жизнь – необъяснимая штука, в которой нет постоянства.

Родители были удивлены и даже озадачены, узнав, что их дочь, такая домашняя, отличница и зубрилка, вдруг собралась к *кому-то на дачу*. Отец нахмурил брови, мама скептически склонила голову, так, что в ушах качнулись тяжелые золотые сережки с топазами, старая семейная реликвия.

Однако, когда Рита поведала им, что это будет «семейный сабантуй» на даче известного адвоката Барковского, имя которого родителям было известно, совмещенный с обсуждением Ритиной курсовой и ее дальнейших *карьерных* перспектив, они сменили гнев на милость. Отец даже изрек:

– Ну, что же, я всегда верил, что тебя заметят, ребенок! Барковский – толковый мужик. И один из самых богатых в городе...

Мама же добавила:

– Ну, говорят про него всякое, я от одного пациента слышала, что он с бандитами якшается, со всеми этими «ворами в законе»...

– Мама! – рассердилась Рита. – Я вот стану адвокатом и *тоже* буду якшаться с «ворами в законе», более того, не исключено, что и с насильниками, убийцами и, кто его знает, даже с *серийными маньяками*. Потому что в этом и будет состоять моя трудовая деятельность.

Отец поддакнул:

– Ну, маньяков, тем более *серийных*, у нас в городе, слава Господу, нет, и *вряд ли* они появятся.

И затем, обращаясь к маме:

– У тебя у самой на приеме немало уголовников перебивало, так ты что же, отказалась бы их лечить на том основании, что они такие плохие и срок мотали?

Мама не сдавалась:

– И этот Барковский, говорят, еще тот кобель... И жена у него умерла при каких-то неясных обстоятельствах...

– Мамочка, – не выдержала Рита, – *мне не ехать?* Остаться дома, жить в своей комнате до пенсии и не общаться с молодыми людьми? Если уж на то пошло – да, мне очень нравится Гоша Барковский. И я ему, к вашему сведению, тоже. Вот если бы я за него замуж собралась, и Барковский-старший, этот, как ты говоришь, *кобель*, согласился бы стать твоим сватом, ты что, точно так же меня отговаривала бы?

Отец одобрительно рассмеялся и, приобняв жену, заявил:

– Думаю, ребенок, что твоя матушка прыгала бы от восторга, породнись мы с Барковскими. Так что не забивай себе голову всяческими пустяками.

А потом, подмигнув дочери, произнес заговорщическим тоном:

– А что, есть шансы, что этот смазливый Гоша станет нашим зятем?

Рита решительно не знала, как ей нарядиться. По сути, у нее и не было ничего такого, что она могла бы надеть на «семейный сабантуй». Точнее, было, конечно, однако на свой собственный семейный сабантуй, на котором присутствовали бы две ее тетки, три кузины и малолетний кузен, а также брат покойной бабушки и сестра покойного дедушки.

Однако речь шла о *семейном сабантуе* Барковских. И во что облачаться для оного, Рита не имела *ни малейшего* понятия.

Поэтому она созвонилась с одной из двоюродных сестер, которая была на несколько лет старше и даже уже состояла в разводе после кратковременного неудачного брака, и получила от нее консультации в плане моды и стиля. А утром в среду, праздничный день, смоталась к ней на Красногвардейскую, то есть почти через весь город, чтобы забрать две пары джинсов, облегающее трикотажное платье, а также элегантные лодочки и дерзкие туфли на высоченных, в стиле Эльвиры, каблуках.

Двоюродная сестра была пониже и покрупнее Риты, так что джинсы как вариант пришлось отместить. Зато трикотажное платье кузине уже не подходило, а вот на Рите сидело, как будто для нее было сшито.

Цвет – темно-зеленый, с золотой искоркой – удачно гармонировал с каскадом рыжих волос, которые Рита решила не укладывать, а лишь закрепить при помощи оставшегося от бабушки красивого антикварного обруча. Туфли-эльвирки, как их окрестила для себя Рита, она так и оставила лежать в коробке, ведь и брать не хотела, но кузина настояла. А вот лодочки ей прекрасно подошли, благо, размер ноги у них с сестрой был практически одинаковый.

Оглядев себя в зеркало, Рита осталась довольна. Мама же, вздохнув, отправилась в гостиную и вернулась с янтарным кулоном на золотой цепочке, подаренным дедушкой бабушке в день их свадьбы.

Повесив его на шею, Рита поцеловала маму, и в этот момент раздался звонок в дверь.

Гоша был само очарование – за те несколько минут, которые он провел у них в коридоре *наитщательнейше прибранной* по такому случаю квартиры, он впечатлил отца и очаровал маму.

Последней он на прощание поцеловал руку, чем окончательно завоевал ее сердце. Когда молодой человек уже вышел в общий коридор, Рита увидела, как отец поднял вверх большой палец, а мама ободряюще ей улыбнулась.

– Мои работы! – вскрикнула Рита, вспомнив, что забыла взять сумку с конспектами, записями, старыми курсовыми и идеями новых.

– А это что? – спросил в недоумении Гоша, а когда Рита объяснила, произнес: – Ах, ну да, конечно. Давай помогу!

И он перехватил сумку у нее из рук.

Рита знала, что полдвора паялилось в окна на то, как она садилась в черный джип, на котором к их пятиэтажке пожаловал Гоша Барковский. Молодой человек лихо взял с места, а Рита, неуверенно чувствуя себя на огромном кожаном сиденье, спросила:

– А кто будет на вашем семейном сабантуе?

Гоша, сверкнув изумрудными глазами, процитировал:

– «Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то в ней: отец мой да я...»

И, объезжая огромную лужу, со смехом добавил:

– Ну, там что-то дальше про лес и топор дровосека... Кстати, у тебя такие классные предки! Ты вся в маму, такая же красавица...

Рита зарделась, Гоша своим низким голосом принялся сыпать комплиментами, и она сочла, что неудобно как-то снова задавать вопрос о том, кто будет на сабантуе, хотя она, по сути, так и не получила ответа.

Когда они выехали на загородное шоссе, Гоша осторожно коснулся рукой ладони Риты и пощекотал ее. Девушку словно током ударило, и она не смогла сдержать стон.

Усмехнувшись, Гоша произнес:

– Да, ты такая классная, Рита... *Рита-Маргарита*... Кстати, извини, что о грустном, но сегодня утром я расстался с Эльвирой по кличке Задница Гамадрила. Так что я теперь *вполне официально* свободный человек.

Риту передернуло от фамильярности, переходившей в грубость, с какой Гоша вел речь о своей подруге, пусть и бывшей, и отменной стерве.

Но ведь любая стерва, даже самая жуткая, *человек*. И Эльвира по кличке Задница Гамадрила, как ни крути, тоже...

Запретив себе называть Эльвиру так даже в мыслях, Рита спросила:

– И как она это восприняла?

Гоша, продолжая гладить ее руку, ответил:

– Рыдала. Потом, несмотря на присутствие младшего братишки Юрика, пыталась соблазнить меня. Бегала голой по квартире. Сначала, извини за откровенность, с пачкой презервативов, потом с открывашкой для консервов. Наконец, заперлась с оной в ванной, заявив, что перережет себе вены.

– И что потом? – произнесла обеспокоенно девушка, а молодой человек, сворачивая с шоссе куда-то в дачный массив, заявил:

– Потом я не знаю, потому что уехал.

Рита ужаснулась:

– А вдруг *перережет*?

Гоша, в голосе которого вдруг зазвенел металл, ответил:

– Такие, как Эльвира Задница Гамадрила, *никогда* не перерезают. Перерезают другие. Ну, вот мы и подъезжаем...

И его рука вдруг, соскользнув ниже, плотно обхватила коленку девушки.

Рита не успела никак отреагировать, хотя, надо признаться, столь явное выражение симпатии, даже не симпатии, а сексуального интереса со стороны Гоши, не оставило ее равнодушной.

Неужели...

Однако столь же быстро, как он обхватил ее коленку, молодой человек убрал руку, и Рита не знала, как ей вести себя. А что, если это было *случайное* прикосновение?

Хотя ничуть не сомневалась, что отнюдь *не* случайное.

Дача оказалась огромным трехэтажным каменным домом, больше похожим на небольшой дворец или, по крайней мере, барскую усадьбу, да и выстроена она была в подобном вычурном стиле.

– Хорошо живете! – произнесла восхищенно девушка, а Гоша, останавливаясь около крыльца и глуша мотор, ответил:

– Ну, здесь есть хоромы и намного более крутые. А это так, устаревший вариант...

Устаревший вариант! Что, интересно, сказали бы Ритины родители, как бы они отреагировали, увидев это загородное жилище адвоката Барковского.

Гоша, выйдя первым, распахнул перед Ритой дверцу и подал ей руку.

Чувствуя себя Золушкой, в наряде принцессы прибывшей на королевский бал, Рита подала ему ладонь и, взойдя на крыльцо, осмотрелась. *Не то чтобы* ее так уж интересовало, что тут находится на дачном участке, или хотелось прикинуть, каких он размеров, но...

Но, если честно, *именно поэтому* и осмотрелась!

Гоша, опережая ее, повернул в замке массивной двери ключ и пропустил девушку в большой холл, до потолка забранный темными дубовыми панелями, с хрустальной люстрой и рыцарскими доспехами в углу.

И это коридор дачного дома! Как же тогда выглядит городская квартира Барковских?

Рита подумала, что, вполне вероятно, она скоро это узнает – и смутилась от мысли о том, что все это может принадлежать ей.

Если она выйдет замуж за Гошу.

– А я думала... – начала она и осеклась, а молодой человек, повернувшись к ней, сказал:

– Думала, что у нас прислуга? Старик ее терпеть не может, да и я тоже. Конечно, какие-то приходящие кухарки-уборщицы имеются, однако всего на пару часов в день. Да и вообще, старик обожает готовить. То, что мы будем сегодня есть, он сам навертел.

Раздались приглушенные шаги, и Рита заметила спускавшегося по широкой винтовой лестнице моложавого мужчину, удивительно похожего на Гошу, только с абсолютно седыми волосами и несколько более коренастой фигурой. Однако глаза были точно такие же, изумрудно-зеленые, а улыбка обаятельно-соблазнительной.

Этого человека Рита много раз видела по местному телевидению, да и в газетах его изображение тоже появлялось – перед ней, облаченный в серые джинсы и горчичного цвета джемпер, стоял известный адвокат Лев Георгиевич Барковский, отец Гоши.

– Салют, старик! – произнес молодой человек несколько небрежно, и адвокат, кивнув ему приветственно, вплотную приблизился к Рите.

– Рад видеть вас у нас дома, Рита. Вы ведь разрешите называть вас так?

Он протянул ей руку, и Рита ощутила прикосновение его пальцев.

– Мой сын много о вас рассказывал. Впрочем, я ведь давно вас заприметил, еще с прошлого года, когда вы выступали на научной конференции, где я был председателем секции...

Говоря это, он продолжал сжимать ладонь Риты, и девушка не знала, что делать. Сам же адвокат, казалось, не замечал этой неловкости и продолжал певучим и низким, как и у сына, голосом:

– И уже тогда понял, что вы подаете *большие надежды!* Поэтому очень хорошо, что вы приняли приглашение и навестили меня!

Наконец, он отпустил руку Риты, и девушка, чувствуя, что ее ладонь взмокла, осторожно убрала ее за спину. Все же она в гостях и в ее планы никак не входит обидеть хозяина.

Радужным жестом адвокат Барковский указал на дверной проем:

– Только после вас, *Ритка-маргаритка!* Вы ведь не обидитесь, если я буду так к вам обращаться?

– Не-е-е-т, – выдавила из себя девушка, пытаясь отыскать глазами Гошу, который, однако, уже исчез из поля зрения.

– Вперед, вперед, не теряемся! Здесь все очень просто – шагайте вперед, Ритка-маргаритка, и не ошибетесь...

Девушка вдруг ощутила легкий шлепок по ягодицам, и единственным, кто мог прикоснуться к ней, был шедший позади нее адвокат Барковский. Однако мысль о том, что отец Гоши *так* повел себя, не укладывалась у девушки в голове. Наверняка это был *случайный* жест...

В этот момент на ее талию легли руки адвоката Барковского, и он, прижимаясь к ее спине, зашептал на ухо:

– А теперь налево, Ритка-маргаритка! Да, именно туда...

Рита, чувствуя, что краснеет, позволила обращаться с собой, как с куклой, потому что была глубоко шокирована. Адвокат Барковский без всякого стыда хватал ее то тут, то там, видимо, считая, что *так и должно быть*.

Они оказались в просторной столовой, перед огромным столом, на котором было только три прибора. Гоша уже сидел за столом и, отщипывая кусочки хлеба, отправлял их в рот.

– А вот и ваше место, Ритка-маргаритка! – произнес адвокат Барковский, подводя девушку к стулу и, словно ребенка, усаживая на него. При этом он не упустил возможность пошарить у нее по спине и прикоснуться к груди. – А вот и ваша салфетка, разрешите положить ее вам на колени, чтобы не запачкать ваше красивое платье...

– *Я сама!* – вскрикнула девушка и быстро завела ноги под стол. Не хватало еще, чтобы Барковский расправлял у нее на коленях салфетку.

Рита сидела за столом между двумя Барковскими, отцом и сыном. Единственное, что утешало, так это то, что с отцом Гоши ее разделяло добрых три, если не все четыре, метра.

Адвокат же, подойдя к своему стулу, качнул головой.

– Непорядок... Как-то чопорно все выглядит. Как на приеме у голландской королевы. Ах, ну, да, стол же раздвижной...

И быстрым, как показалось Рите, *отработанным* жестом он передвинул стул, поставив его с обратной стороны стола, прямо напротив прибора Риты.

Теперь прибор адвоката Барковского стоял в каком-то полуметре от тарелки Риты: стол был длиннющий, но весьма узкий.

Переместив и свою тарелку, а также вилку с ножом и бокал, мужчина проворковал:

– Вы ведь возражать не будете, Ритка-маргаритка? Согласитесь, что так лучше?

Девушка бросила беспомощный взгляд в сторону Гоши, однако тот смотрел куда-то в сторону, как будто не желая встретиться с ней глазами.

А что, если *возразить*? Сказать, что так не пойдет? И вообще подняться и уйти из этого странного особняка?

Только вот – *куда*? Гоша привез ее на своем черном джипе, и она имела лишь отдаленное представление о том, где сейчас находилась. И вообще *ни малейшего* представления о том, как ей отсюда на общественном транспорте добраться до дома.

– Разрешите налить вам вина, Ритка-маргаритка! Ну, давайте, не кокетничайте! Надо же выпить за встречу!

Еще до того, как она успела что-то сказать, адвокат взял откуда-то уже откупоренную бутылку и наполнил стоявший перед девушкой бокал с рубиново-красной жидкостью.

Жидкостью, столь похожей на *кровь*.

– Ваше здоровье, Ритка-маргаритка! Ну, прошу вас! И ты, сын, тоже выпей!

Рита обратила внимание, что Гоша, наконец, поднял на отца глаза, хмуро ответил:

– Ты же знаешь, что я не пью, старик...

Адвокат, чокаясь с бокалом Риты, заявил:

– В самом деле, как же я мог об этом забыть, сын! Ты же у нас пай-мальчик. Впрочем, грешки водятся за всеми, в том числе и за тобой. Распустила тебя моя покойная жена, твоя матушка, пусть земля ей будет пухом, ой как распустила...

Гоша, с шумом отодвинув стул, скомкал салфетку, швырнул ее на стол и вышел из столовой. Рита беспомощно посмотрела ему вслед, а Барковский-старший, вдруг накрыв своей ладонью ее ладонь, произнес:

– Ну, вы что же, Ритка-маргаритка, не будете пить за здоровье хозяина дома, то есть за меня?

– Я не пью... – выдавила девушка, и адвокат, вздохнув, поставил на скатерть и свой бокал.

– Что за молодежь нынче пошла. Это не едят, то не пьют... Ну хорошо, а сока или воды хотите? Не будете же всухомятку жевать?

Бокал воды, поданный ей Барковским, Рита осушила до дна, потому что в горле давно пересохло. Она ждала, что Гоша вернется за стол, однако молодого человека все не было.

– Попробуйте моего жаркого, я его сам для вас делал, Ритка-маргаритка! Разрешите положить вам кусочек?

Понимая, что для приличия надо хотя бы попробовать, Рита отправила в рот крошечный кусочек, который, однако, не лез ей в горло. Она вспомнила смешную сцену с пирожком в университете – не хватало еще, чтобы это снова повторилось, на этот раз *здесь*.

Поэтому она запила жаркое водой, отметив, что жаркое было великолепным, а вот у воды вкус...

Какой-то *странный*...

А что, если там что-то *подмешано*?

В этот момент Рита вдруг ощутила, что к ее ноге что-то прикоснулось – и, судя по всему, этим чем-то был *вытянутый носок* ноги адвоката Барковского, сидевшего рядом с ней. При этом мужчина продолжал что-то весело говорить, словно...

Словно ничего не произошло.

Замерев и чувствуя, что ей делается дурно, Рита ощущала, как носок ноги адвоката взбирается по ее лодыжке.

Адвокат же продолжал нести какую-то занимательную чушь, повествуя о некоем забавном случае из своей юридической практики, при этом поглощая жаркое и запивая его вином.

И словно не понимая, что носок его ноги, словно хищный зверь, пытается силой втиснуться между плотно сжатых колен Риты, чтобы...

Чтобы, по всей видимости, *добраться до ее трусиков*.

– Прекратите! – произнесла девушка, чувствуя, что по ее щекам уже катятся слезы, и нога внезапно замерла.

Подняв на Барковского глаза, Рита бросила на тарелку вилку с ножом и крикнула:

– *Прекратите!*

Барковский-старший уставился на нее со столь неподдельным изумлением, что девушка вдруг смутилась – а что, если она ошиблась? Что, если она заподозрила отца Гоши в ужасных вещах, не имея на это достаточных оснований...

Впрочем, нога, все еще лежавшая у нее на коленке, была отличным доказательством обратного. И доказательством весьма *весомым*.

– Вам не нравится жаркое? – спросил Лев Георгиевич. – Ну, тогда, быть может, перейдем сразу к десерту? Я приготовил чудесное крем-брюле, столь нежное и буквально тающее во рту, что вы, Ритка-маргаритка...

И в этот момент носок его ноги, опять придя в движение, с грубой силой раздвинул ее колени, прокладывая себе путь вперед.

Рита оттолкнула ногу Барковского, вскочила со стула и, выплеснув в лицо отцу Гоши остатки воды из бокала, бросилась из столовой наутек.

Оказавшись в холле, она рванула на себя входную дверь, однако та была *заперта*. И никакого ключа в замка, естественно, *не было*. И только сейчас Рита обратила внимание на то, что окна с разноцветными витражными вставками забраны снаружи витой чугунной решеткой.

До нее донесся приближающийся с каждым мгновением бархатный голос Барковского-старшего:

– Ритка-маргаритка, ну что же вы так! Право же, ведете себя, как дикарка! Не забывайте, что вы все-таки в гостях в *приличном доме!*

Девушка, затравленно оглянувшись, кинулась вверх по винтовой лестнице. Миновав освещенный второй этаж, она рванула сразу на темный третий, остановилась, не зная, куда идти, оказавшись в мрачном коридоре, – и вдруг ощутила, что ее *кто-то схватил*.

– Ритка-маргаритка, четыре-пять, я иду искать! Понимаю, вам нравятся такие игры, в самом деле, *ужасно возбуждающие!*

Рита замычала, однако услышала тихий голос Гоши:

– Это я, ты мне можешь доверять. Не кричи, иначе он нас услышит. Вот, сюда...

Молодой человек, зажимавший ей ладонью рот, толкнул Риту куда-то в темноту, которая сменилась светом – они оказались в большой комнате, где стояла старинная кровать с балдахинном. Отпустив девушку, Гоша приложил палец к губам и подошел к массивному темному шкафу.

– Ритка-маргаритка, милая моя, ну что же вы так! Кстати, быть может, мы перейдем *на ты?* Куда ты спряталась от меня, негодница? Я ведь еще в прошлом году положил на тебя глаз, понял, что такая рыжеволосая бестия мне и нужна. Которая к тому же еще *девственница*. Ты где, Ритка-маргаритка?

Гоша отодвинул в сторону висящие на вешалках пальто и плащи, пошарил вниз, и задняя панель шкафа отошла в сторону, обнажая тайный проход. Молодой человек, забираясь в шкаф, поманил девушку за собой.

Рита, сердце которой стучало, как бешеное, не знала, как ей поступить. На принятие решения повлиял голос адвоката Барковского, донесшийся из коридора откуда-то в непосредственной близости:

– Так как все комнаты на втором этаже закрыты, а я видел, как ты, Ритка-маргаритка, ринулась вверх по лестнице, то вывод очевиден: *ты где-то на третьем*. Что же, дверей не так уж много, все комнаты проверю и найду тебя, милая моя...

Заметив, что ручка двери плавно пошла вниз, Рита метнулась к шкафу, залезла в него и, трясась от страха, последовала в тайный проход в стене.

К ее большому облегчению, задняя панель шкафа задвинулась, и Рита, осмотревшись, поняла, что перед ней находится небольшая металлическая лестница.

Гоша взял ее за руку и повел куда-то вниз. Рита, вцепившись в его запястье так, что наверняка причинила молодому человеку боль, следовала за ним и боялась даже дышать.

Миновав несколько пролетов, они оказались перед стальной дверью с массивным засовом. Отодвинув его, Гоша шагнул за порог, и Рита последовала за молодым человеком.

– Извини, но мне надо закрыть дверь изнутри. Чтобы он, в случае чего, не смог сюда прорваться, – произнес Гоша, а Рита, не понимая, чего от нее хотят, вдруг поняла, что все еще цепляется за руку Барковского-младшего.

– Извини... – пробормотала она, отпуская его запястье.

Гоша быстро повернул торчавший изнутри ключ и, вынув его, положил себе в карман.

– Это мне надо извиниться перед тобой. Я... Я *не хотел*, чтобы так вышло, уж поверь мне. Не хотел, хотя... Хотя *понимал*, что именно так оно и выйдет...

Переведя дух, Рита осмотрелась по сторонам и поняла, что находится в своего рода зажатой меж стен дома потайной камере без окон, обставленной, впрочем, как жилое помещение: с креслом, столиком, на котором стоял графин и бокалы, с торшером, большой кроватью и платяным шкафом, а также умывальником и сундуком в углу.

– Извини, что так вышло... – повторил устало Гоша, опускаясь на край кровати.

Рита толкнула дверь, отметив, что с внутренней стороны у нее нет ручки, и, убедившись, что дверь заперта, опустила ее на кровать рядом с молодым человеком и тихо спросила:

– А у него ключа от этой комнаты нет?

Гоша, повернувшись к ней, произнес:

– Нет, ключа у него нет. Это-то меня и спасает. В этой комнате я и могу переждать, когда... *когда на него накатывает...*

Рите вдруг внезапно сделалось ужасно жаль Гошу – выходило, что он жил в аду, причем, судя по всему, долгие годы. И как он мог это вынести, ведь она за последние минуты чуть не умерла от страха, а молодой человек существовал так *постоянно*.

В компании *отца-психопата*.

– А с ним... *что?* – по-прежнему тихо произнесла Рита, а Гоша, вздохнув, ответил:

– Тут отличная звукоизоляция, так что он нас не услышит, можно говорить во весь голос и даже кричать... А что касается твоего вопроса... Ну, сама видишь: мой старик – владелец самой крутой юридической фирмы города, богач, на короткой ноге с сильными мира сего, а по совместительству *псих*.

Произнес Гоша эти слова будничным тоном, без злости и горечи, что только прибавило смыслу сказанного ужаса.

– И давно он... *псих?* – продолжила Рита уже нормальным тоном, и Гоша ответил:

– Думаю, с самого рождения. Это для всех прочих он гениальный адвокат, блестящий стратег, выдающаяся личность. Качества, которые вполне присущи некоторым психопатам. А для меня он... *Самый ужасный человек на свете!*

Рита прижалась к Гоше, чувствуя, что ей до слез жалко этого зеленоглазого красавчика, которого все прочие считают представителем золотой молодежи, баловнем судьбы, богатым наследником.

Который, как выясняется, уже давно *живет в кошмаре*. В аду, где заправляет всем его отец-психопат.

– Он... Он что, *бьет* тебя? – произнесла в страхе Рита и почувствовала, как молодой человек напрягся.

– Бил, когда я был маленьким и не мог дать сдачи. Потом перестал. Впрочем, *и не только бил...*

Холодея от ужаса, Рита простонала:

– Что ты хочешь этим сказать?

Гоша, отодвигаясь от нее, вздохнул:

– Тебе лучше не знать. Еще раз извини, что я притащил тебя сюда. Но он убедил меня, точнее, заставил привезти тебя...

Рита взъерошила короткие волосы Гоши и поцеловала его в щеку. Нет, после того, как они расправятся с психом-адвокатом и начнут новую жизнь – далеко отсюда и вдвоем!

– Но почему ты *не уйдешь?* Почему ты *не обратишься в милицию?* – произнесла она, и Гоша простонал:

– Ты его просто не знаешь. У него все схвачено. Даром что психопат, все главные менты в городе – его лучшие друзья.

– Но теперь у тебя есть я! – заявила девушка. – Я помогу тебе, я дам показания. Они не смогут игнорировать очевидные факты...

Гоша встал и, пройдясь по комнате, произнес:

– Он ведь монстр. Да, это не преувеличение. *Он убил мою маму!*

Рита поверила его словам сразу и безоговорочно.

– Причем убил ее на моих глазах. Это было... Это было *так ужасно...*

Он опустился на кресло и закрыл лицо руками. Рита подошла к нему и, став около Гоши, прижала к себе его склоненную голову, поцеловала в макушку.

Отняв от лица руки, молодой человек глухо произнес:

– Еще раз извини, что втянул тебя в эту мрачную историю. Ничего, мы переждем, потом я тебя через гараж выведу и отвезу обратно в город. А затем вернусь сюда и... *И убью его!*

– Ничего подобного! – энергично заявила девушка. – Когда мы отсюда выберемся, то я тебя обратно, конечно же, не отпущу. Да, твоему отцу место в тюрьме, возможно, в психушке, но вот тебе за решетку попадать уж точно не надо!

– Я и так живу, как в тюрьме... – горько усмехнулся Гоша, а Рита заявила:

– Но теперь *все изменится!* Ты получишь свободу, а твой отец понесет заслуженное наказание, в том числе и за убийство твоей мамы. Я тебе это *обещаю!*

Лицо Гоши, долго смотревшего на нее, вдруг осветилось обаятельной улыбкой.

– Спасибо тебе, Ритка-маргаритка, за то, что ты у меня есть! С тобой так легко и спокойно...

Поморщившись, девушка сказала:

– Только не называй меня так. Потому что твой... *твой отец* использует это обращение. И я тебе обещаю – все будет *хорошо!*

Тут он ее поцеловал – напористо, почти грубо. Рита вдруг ощутила небывалый прилив желаний и, к своему стыду, поняла, что жаждет одного: чтобы Гоша взял ее прямо здесь и сейчас.

Только вот почему она должна этого *стыдиться?*

– Ты меня хочешь? – произнес хрипло Гоша, и Рита хрипло ответила:

– Да, да, да!

Подхватив ее на руки, молодой человек перенес ее на кровать и, склонившись над ней и продолжая целовать, принялся стаскивать с нее платье. Рита застонала, вдруг осознав, что готова буквально на все.

Во всяком случае, с Гошей.

– Я хочу, чтобы так было всегда!

Молодой человек, рассмеявшись, заявил:

– За это надо выпить! Вообще-то шампанского, но у нас его здесь нет, а если бы и было, то пить бы не стали, так как мы оба не употребляем алкоголь... Тогда давай отметим это водой!

Он разлил из стоявшего на столике графина воду по двум бокалам и протянул один Рите.

– Ну что же, за *новую жизнь!*

Осушив бокал до дна (она только сейчас ощутила, насколько у нее пересохло горло, видимо, от пережитого стресса), Рита произнесла:

– Какая вкусная... Я вообще-то подозревала, что в ту воду, которой твой отец накачивал меня за столом, что-то подмешано.

Гоша, поставив на столик свой бокал, произнес:

– Нет, не в воду, а в вино... В воду он обычно добавляет афродизиак и дает его уже после того, как накачает жертву вином. А в вино он подсыпает одно занятное средство, которое

подавляет силу воли и вводит в своего рода транс наяву. Он так поступает, когда заманивает сюда свои жертвы. Понимаешь, они все обожают алкоголь. Ты единственная, кто потребовала воды. А к такому повороту событий *мы*... я хотел сказать, он оказался не готов.

Рита, уставившись на Гошу, ощутила, как в висках у нее застучало. Он что, в самом деле только что сказал «*мы*»? Нет, она наверняка *ослышалась!*

– Жертвы? – переспросила девушка, которой вдруг сделалось жутко. – Он что... *убивает их?*

Гоша хмыкнул, и Рита, переведя взор на его бокал с водой, вдруг поняла, что он к нему *не притронулся.*

– Ну нет, он психопат, *но не серийный убийца!* Так, любит проявить насилие в сексе, обожает, чтобы жертвы его боялись и умоляли о пощаде. Раньше по проституткам ходил, а когда одна чуть не умерла, переключился на студенточек или аспиранточек типа тебя. Тем более, что ему с некоторых пор *девственниц* подавай, а таковых среди девиц с большой дороги, сама понимаешь, просто нет.

Рита попыталась пристать с кресла – и поняла, что *не может.*

– И что он с ними *делает?*

– *Разрезает на части, поедает, а их черепа хранит вот в этом сундуке!* – захохотал Гоша и, резво подскочив, подошел к сундуку в углу комнаты и поднял его крышку.

Рита вдруг поняла две вещи: во-первых, смех сына крайне похож на смех отца. И, во-вторых, она безоговорочно поверила тому, что только что *у*сообщил ей Гоша.

– И ты решила, что это так и есть? – засмеялся молодой человек. – *Ну, ты даешь!* Мой старик никого не убивает. Ну, или во всяком случае, *старается* не убивать.

Он достал из сундука *наручники.*

– Тут он хранит свои секс-игрушки. Показать, какие?

Рита отрицательно замотала головой, а Гоша, подойдя к ней, провел по щеке пальцем и произнес:

– Я же вижу, что ты, Ритка-маргаритка, сама не своя. Потому что афродизиак, который ты приняла вместе с водой за столом, *уже начал действовать.*

Он схватил девушку за руку, отвел ее в сторону и вдруг замкнул вокруг запястья кольцо наручника.

Девушка дернулась, пытаясь оттолкнуть Гошу, однако вдруг поняла, что ее тело ей уже больше не подчиняется.

– Ну, а то средство, которое вводит в транс наяву, ты приняла уже здесь. Ведь нам пришлось менять планы на ходу, и, пока я отсутствовал, а старик тебя обрабатывал, я смотался сюда и все приготовил. А потом мы разыграли эту небольшую пьесу-водевиль под названием «Пленница тайной комнаты, или как обдурить недалекую девственницу».

С этими словами он схватил вторую руку Риты и прикрепил ее при помощи наручников к спинке кровати. Девушка издала приглушенный стон, а Гоша, содрав с нее съехавшее платье и сняв нижнее белье, произнес:

– Старик уже слюни пускает, он весь в нетерпении. Папа, твой выход!

И после этих слов дверцы платяного шкафа распахнулись, и оттуда появился адвокат Барковский – *абсолютно голый и уже возбужденный.* Рита, замотав головой, попыталась закричать, однако из горла вырвался только вялый рык. Она в самом деле была словно в трансе: все видела и слышала, однако практически не могла пошевелиться.

– На этом я удаляюсь, оставляя вас наедине, – произнес Гоша, заходя в шкаф, в глубине которого виднелась отъехавшая в сторону задняя панель. – Желаю вам хорошо провести время! Только без глупостей, *голубки!*

То, что произошло после того, как Гоша исчез в недрах шкафа, походило на страшный сон, каждая деталь которого, однако, врезалась в память Риты, распластавшейся на кровати.

Сначала она пыталась сопротивляться, однако быстро поняла, что элементарно не в состоянии сделать это. Тело ей больше не подчинялось – и при всем при этом она ощущала каждое прикосновение, каждый шлепок и каждый укус.

Говорить она тоже не могла, а даже если бы и могла, то что бы сказала своему насильнику? *Попросила бы пощадить ее?*

Ну да, конечно, насильник внемлет гласу жертвы и, стусевавшись, конфузливо извинится и ретируется. Как насильники, тем более насильники опытные, *обычно* и делают.

Ни адвокат Барковский-старший, ни его сынок, оказавшиеся монстрами с очаровательными улыбками и изумрудными глазами, ни за что бы ее не пожалели – в этом у Риты не было ни малейших сомнений.

И эти монстры были откровенны: адвокат *не скрывал*, что давно положил на нее глаз, а сынок *явно гордился* тем, что помог заманить ее в ловушку. Как они это назвали? Пьесой-водевилем «Пленница тайной комнаты, или как обдурить недалекую девственницу»?

И этой недалекой девственницей – как, впрочем, и пленницей тайной комнаты – была *она сама*.

Рита думала об этих ужасных вещах, пока Лев Георгиевич Барковский, владелец самой известной адвокатской фирмы в их городе, миллионер, бывший на короткой ноге с сильными мира сего, насиловал ее.

Методично. Беспощадно. Изобретательно.

Боль, вначале пронзившая тело Риты, отступила на второй план – то ли притупилась, то ли смесь афродизиака и обездвижившего ее средства оказала воздействие на восприятие.

Странно, но мысли у Риты работали четко и ясно, несмотря на туман, застилавший глаза. Как будто ее организм, утративший способность двигаться, компенсировал это всплеском бурной интеллектуальной деятельности.

Лев Георгиевич, завершивший первый раунд, вытащил что-то из сундука, пшыкнул себе в нос, а потом, навалившись на нее своим поджарым телом, снова вошел в Риту.

Девушка размышляла о том, *оставят ли они ее в живых*. Неужели после того, как все ее страдания завершатся – а любые, даже самые кошмарные, страдания рано или поздно завершаются, – Барковские убьют ее?

Что, если слова Гоши о том, что отец хранит в сундуке черепа своих жертв, *вовсе не были* циничной идиотской шуткой.

Ну что же, тогда ничего поделать нельзя – *она скоро умрет*.

Мысль о том, что ей предстоит расстаться с жизнью в самое ближайшее время, как ни странно, Риту не пугала.

По крайней мере, закончится пытка, которая, судя по довольному урчанию ее насильника, доставляла ему наслаждение.

После второго раунда и небольшой передышки последовал третий, самый длинный и самый ужасный. Стиснув зубы, Рита думала о том, что, если бы ее поставили перед выбором: немедленно умереть или продолжать испытывать то, что она испытывала, она бы выбрала *смерть*.

Впрочем, она не сомневалась, что скоро умрет. Потому что после всего, что Барковские причинили ей, они не могут оставить ее в живых, просто не могут.

Психопатом и садистом был не только Барковский-старший, который ритмично сопел над ней, но и его ретировавшийся еще до начала изнасилования сынок, кумир всех городских барышень.

И ведь как Гоша обвел ее вокруг пальца, нагнетая обстановку и – надо сказать, *не так уж неправдоподобно* – разыгрывая дешевую мелодраму! Завел ее в эту потайную комнату, служившую не убежищем, а казематом, в котором отец-психопат совершал свои злодеяния – в самом деле, обдурил *недалекую девственницу*.

Впрочем – и тут Рита не смогла сдержаться от непроизвольного смешка – после того, что сделал с ней Гошин отец, девственницей она уже *не была*.

– Ты что смеешься? – раздался голос ее насильника, вслед за чем последовал удар по лицу – несильный, однако чувствительный. – Или тебе *нравится*, Ритка-маргаритка? Тащишься от нашего классного секса? Я так и знал, что ты еще та *шлюшка*...

Не только психопат и садист, но еще и идиот! Насильник что, в самом деле предполагал, что ей, жертве, могло это *нравиться*? Что она *тащилась* от классного секса, являвшегося тройным беспощадным изнасилованием?

И как смел этот мерзавец, этот моральный урод и мерзкий преступник в лицо ей заявить, что она *шлюшка*?

Ну да, смел, потому что он насильник, а она жертва. И он может сделать с ней все, что угодно.

И не только может, но уже и делает.

Методично. Беспощадно. Изобретательно.

Наконец, Лев Георгиевич, пытаясь слез с нее, а Рита вдруг ощутила резкую боль в прикованных наручниками к спинке кровати запястьях.

И ведь она далеко не первая и, если не положить конца деяниям отца-насильника и сына-помощника насильника, отнюдь *не последняя* жертва Барковских, старшего и младшего.

Вероятно, действие наркотика, которым ее напичкали, постепенно проходило, и к ней возвращалась способность контролировать собственное тело – а вместе с этим и боль.

Потому что то, что она считала болью до этого, не было болью.

Подлинная боль была еще впереди.

– Почему я? – прошептала девушка, точнее, подумала – и вдруг поняла, что смогла произнести, хотя бы и очень тихо, эту фразу.

Барковский, резво повернувшись к ней, произнес:

– Ого, Ритка-маргаритка, голосок прорезался! Значит, скоро начнешь орать благим матом.

Шаря в сундуке, он заявил:

– Ну, собственно, *почему бы не ты?* Ведь судьба всех тех, кто уже побывал в этой кровати, тебя до сегодняшнего дня не занимала. Так отчего же кого-то должна интересовать твоя участь?

В самом деле, *почему?*

– Но отчего не... не *Эльвира*...

Она сама не знала, отчего назвала именно *это* имя. Хотя, конечно же, *прекрасно* знала – потому что Эльвира в ее представлении была распутной девицей.

А в действительности – глуповатой, смазливой особой, обожавшей экстравагантные наряды. И имевшей в друзьях сына психопата – правда, на свое счастье, получившей от него отставку.

А ведь на этом месте могла быть, нет, *должна была быть* Эльвира! А оказалась она, Рита-Маргарита...

Выходит, что она желала Эльвире *оказаться на ее месте*.

Так же размышлял, по всей видимости, и Барковский-старший, озадаченно проронивший:

– Ну ты даешь! Хотела бы с ней местами поменяться? И только потому, что она размазанная шлюха, а ты «синий чулок»? А как же пресловутая женская солидарность?

Он явно издевался над ней.

– Ну, Эльвирка не в моем вкусе. Мне нужны такие, как ты: с виду неказистые, а внутри огонь и пламя. Да и к тому же Эльвирка нам *для иного* требуется. Но для чего, тебе знать вовсе не обязательно. Иначе нам придется тебя убить!

И он захохотал.

– Значит, вы меня убьете? – спросила девушка, заметив, что Барковский извлек из сундука *упаковку со шприцем, а также ампулу.*

– Ну, не надо делать из нас каких-то карикатурных маньяков! Я получил удовольствие, спасибо за это, Ритка-маргаритка, однако зачем тебя еще и убивать. В конце концов, за такое можно и до конца жизни сесть...

А за кучу изнасилований, Лев Георгиевич, стало быть, нет?

Рита видела, как Барковский сноровисто открыл ампулу и с противным свистом втянул через иглу в шприц ее содержимое.

– Не делайте мне никаких инъекций! – простонала девушка, вдруг ощущая резкую боль во всем теле.

В особенности внизу живота.

– Ну, Ритка-маргаритка, мы же не звери, – произнес, приближаясь к ней со шприцем в руке, Барковский. – Это же тебе во благо!

Ей во благо – и это говорит человек, только что *изнасиловавший* ее! Причем таким доброжелательным и буквально отеческим тоном говорит, как будто...

Как будто верит своим собственным словам!

А кто знает – может быть, *и верит.*

– Я не хочу... – простонала девушка, пытаясь оттолкнуть от себя склонившегося над ней со шприцем в руке адвоката, что у нее, конечно же, не вышло.

– Ну, Ритка-маргаритка, не дури. Если бы мы всегда делали только то, что хотим, что бы со всеми нами было?

И это говорит ей человек, только что давший волю *своим скотским желаниям?*

Видимо, она была до такой степени напряжена, что укол шприца пронзил ее тело резкой нестерпимой болью, гораздо более сильной, чем все, что ей довелось испытать в последние часы.

Рита закричала, причем кричала она так долго, что Барковский засуетился, начал хлестать ее по щекам, дергать за волосы и груди, бить кулаком в живот.

А она кричала и кричала, стараясь вложить в этот крик, пусть и тихий, пусть никому, кроме ее насильника, не слышный, все свое отчаяние, горечь и злость.

Наконец, из шкафа выскочил Гоша, притащивший целый чемоданчик со шприцами и ампулами. И потом уже он, этот красавец с обаятельной улыбкой и изумрудными глазами, кумир всех городских барышень, склонился над ней и всадил ей в предплечье еще одну инъекцию.

И только после третьей, которую тот же Гоша ввел ей в другую руку, перед глазами у Риты все закружилось, почернело, а потом в одно мгновение погасло, как будто оборвалась пленка в ее персональном фильме ужасов.

Фильме ужасов, в котором *главной героиней* была она сама.

Рита распахнула глаза, уверенная, что все еще находится на даче Барковских, в потайной комнате, где адвокат Лев Георгиевич при пособничестве его сына Гоши долго и планомерно насиловал ее, после чего они пытались впрыснуть ей какую-то дрянь, явно желая ее умертвить.

И что у них ничего не вышло, потому как ее организм оказался невосприимчив к яду.

И поняла, что кто-то легонько бьет ее по щекам. Девушка встрепенулась, вздрогнула – и осознала, что находится в салоне джипа Гоши Барковского, а сам Гоша сидит около нее, отвешивая ей пощечины.

Неужели все это был ужасный, кошмарный, фантазмагоричный *сон*?

Ощувив резкую боль внизу живота, а также поняв, что она завернута в какое-то подобие одеяла, Рита вдруг осознала: нет, не сон.

А ужасная, кошмарная, фантазмагоричная *явь*.

Тот самый персональный фильм ужаса, у которого не было ни начала, ни конца.

– Тебе надо еще переодеться, – произнес деловито Гоша и одарил ее своей белозубой улыбкой. – Твои шмотки в пакете. И вот, держи...

Он сунул ей что-то в руки, и Рита поняла – это *пачки денег*.

Отбросив их, Рита рванула на себя дверцу, уверенная, что та заблокирована, и едва не вывалилась на свежий холодный воздух.

Буквально выпав из автомобиля, Рита вскрикнула, и тут ей пришел на *помощь истинный джентльмен*, Гоша Барковский. Сын человека, который изнасиловал ее, и этому насильнику с большим рвением помогавший.

– Ушиблась? *Больно?* – спросил он участливо, и Рита простонала:

– И ты еще спрашиваешь? Оставь меня в покое!

Гоша, хмыкнув, подошел к багажнику, вынул оттуда пакет, бросил его на мерзлую землю перед Ритой.

– Ну, как знаешь. Мне этих выкрутасов не надо, с Эльвирой уже достаточно хлебнул.

Хлебнул с Эльвирой! И это заявляет ей сынок насильника! Как будто Эльвире пришлось пережить то же, что и Рите...

А кто знает, может, *и пришлось?*

– Вот деньги. Тут много. Ты отдохни недельку-другую. Можешь даже в Турцию съездить. Или в Египет. Расслабишься, в себя придешь, *развеешься*...

Он говорил так, как будто у нее умерла любимая канарейка. И словно забыв о том, что его *старик* изнасиловал ее.

Он кинул поверх пакета пачки с деньгами. Рита заплакала, чувствуя, что боль внизу живота нарастает.

– Не реви, больше не дадим. Другие и половины не получали. Старик же сказал, что *мы не звери*. Никто тебя увечить или, тем более, убивать не намерен. Ну, повеселились, ты девственности наконец лишилась, свое удовольствие получила – и мы разбежались.

Свое удовольствие получила – они что, рехнулись? Или... или в самом деле верили в то, что жертва изнасилования была в восторге от того, что с ней произошло?

– Изнасилование. Статья 131-я Уголовного кодекса РФ, от трех до шести. Или, с учетом особой жестокости, от четырех до десяти... – произнесла сквозь слезы Рита.

– Вот только *этого* не надо! – заявил сурово Гоша. – Только не надо пугать ментами, прокуратурой, зоной. Ладно, понимаю, жизнь у тебя дрянная, обитаете в хрущобе, предки зарабатывают гроши, вот и хочешь выжать по максимуму. Ладно, ты мне помогла от Эльвирки избавиться, поэтому накину еще. Вот, в долларах тебе еще столько же!

Слушая шелест отсчитываемых ассигнаций, Рита оторопело думала о том, что Гоша Барковский, этот провинциальный мажор и отпрыск адвоката-насильника, *на полном серьезе* считает, что она плачет и цитирует Уголовный кодекс потому, что желает выбить из них *компенсацию побольше*.

Гонорар за свое собственное изнасилование.

– Вот, получай. Только не думай, что, если будешь хныкать, то отстегну еще. Это и так много. Мы теперь квиты, Ритка-маргаритка!

Девушка продолжала плакать, не обращая внимания на банкноты, которые Гоша подсунил ей под руку. Наконец, молодой человек тряхнул ее с силой за плечо и заявил:

– Ну, тебе тут до дома недалеко. Так что давай одевайся и марш туда. Подвозить до подъезда тебя не буду, извини. И не рыдай, потому что ничего такого особо криминального с тобой не произошло. Ну, просто теперь уже больше не девочка. Но ты ведь все равно в девственницах засиделась. И не говори, что тебе не понравилось!

Не понравилось! Рита, с трудом встав, тихо произнесла:

– Если думаешь, что это вам даром пройдет, то ошибаешься. И деньги ваши мне не нужны. Я обращусь в милицию. Поеду в больницу, чтобы меня освидетельствовали. Сделаю так, чтобы все узнали, что вы за сволочи. И вы с твоим *стариком* понесете наказание!

Раздался смешок, и Гоша заявил:

– Ну, не думай, что это так просто. Потому что кто ты – и кто мы. Ты не первая нам грозишь и, уверяю, *не последняя*. Только руки у вас у всех коротки. Так что советую забыть о том, чтобы к кому-то там обратиться и все рассказать. Ничего не выйдет.

Затем, приблизившись к девушке, он прошептал:

– Мы ведь не монстры, отпустили тебя подобру-поздорову. Я даже до дома подвез. Никто тебя не избивал и не убивал. *Хотя ведь могли...*

Они не монстры! Неужели они в самом деле так считали? Похоже, что да. Конечно, они правы: убивать они ее не стали. И Гоша даже *до дома ее подвез*. И денег дал. Нет, не монстры, а примерная интеллигентная семья, отец и сын, которые только время от времени насилуют тех девиц, которые приезжают к ним на дачу. *А так все хорошо, прекрасная маркиза!*

– И не забывай, что у тебя есть и папа, и мама. Ты ведь не хочешь, чтобы с ними *что-то случилось*? А что-нибудь с ними, обещаю тебе, случится, если ты будешь упрямитесь, Ритка-маргаритка. Так что бери деньги и живи в свое удовольствие. Сумма приличная. *Ты ведь меня поняла?*

Рита отлично его поняла. Они ей еще и угрожали, причем она не сомневалась: угрозы были *вовсе не пустыми*. Такие, как эти Барковские, слов на ветер явно не бросают. Получается, что сделать она ничего не может?

Девушка снова заплакала.

Гоша, громко вздохнув, заявил:

– Ну что с вами, *бабами*, делать! Давай помогу тебе одеться, что ты тут на холоде торчишь голая почти...

Рита с силой оттолкнула Гошу, потому что не могла допустить, чтобы он прикоснулся к ней.

– Уходи! – произнесла она тихо, чувствуя, что кричать нет сил. - *Убирайся прочь!*

– Как скажешь, – с готовностью ответил молодой человек, небрежно засовывая собранные им с земли банкноты в пакет с одеждой Риты. – Ну, ты меня поняла. Никаких глупостей, Ритка-маргаритка. Впрочем, ты ведь не дура. Так что бывай! Ну, *спокойной тебе ночи!*

Сев за руль своего черного джипа, человек, в которого она была влюблена – и, кажется, *все еще* влюблена, несмотря ни на что, – с ревом умчал во тьму, оставив ее одну.

Рита, вдруг ощутив, что ей холодно, неловко извлекла из пакета вещи и принялась одеваться. Она поняла, что находится с обратной стороны городского парка, недалеко от перекрестка улицы Ленина и проспекта Коммунаров.

До ее дома было рукой подать.

И все равно ей понадобилось около часа, чтобы кое-как привести себя в порядок и, медленно бредя, с каждым шагом чувствуя, что ходьба дается ей с трудом, потому что внизу живота пульсировало и жгло, наконец подойти к своему подъезду.

Больше всего Рита боялась встретиться с соседями, но этого не произошло – час был поздний. *А что она скажет родителям?*

Благо, у нее с собой были ключи – *честные* Барковские сунули в пакет и ее сумочку. *Им чужого было не надо.*

Под дверью своей квартиры Рита долго собиралась с духом, прислушиваясь, не доносятся ли изнутри какие-то звуки, и всматриваясь в глазок с обратной стороны.

Потому что как она могла отреагировать на вопрос отца или мамы о том, как все прошло? С милой улыбкой высыпать на кухонный стол кучу ассигнаций и заявить: «У нас прибавление в семейном бюджете, так что все отлично. Ну, и меня еще изнасиловали, но это пустяки. Надо же было когда-то *лишиться девственности!*»

Заслышав этажом выше звук открываемой двери и чьи-то громкие голоса, Рита наконец вставила ключ в замочную скважину и быстро повернула его. Пройдя в полутемный коридор, заметила на кухне свет.

Прошмыгнув по направлению к ванной, увидела маму, похоже, ожидавшую ее на кухне и заснувшую за старым детективом.

Рита юркнула в ванну и в этот момент услышала голос мамы:

– Ах, ребенок, это ты?

Запершись в ванной, Рита через дверь ответила:

– Да, мамочка!

Чувствуя, что ее трясет, девушка одной рукой тянула с себя платье, другой пустила в ванну воду. Ей хотелось одного – смыть с себя этот позор, унижение, мерзость.

Забыть о прикосновениях Льва Георгиевича, хотя она понимала, что забыть об этом не сможет никогда.

В дверь ванной постучали, и Рита произнесла намеренно бодрым и веселым голосом:

– Да, мамочка?

– Ребенок, все в порядке?

Что она могла ответить? *«В общем и целом, мамочка, да. Ну так, адвокат Барковский меня изнасиловал, причем целых три раза, а его сынок подвез меня почти до дома и дал денег. Но, опять же, в общем и целом, мамочка, все хорошо. И теперь мы всей семьей можем поехать в Турцию. Или даже в Египет. Ну, или купить новый кухонный гарнитур. А теперь иди спать».*

Вместо этого девушка фальшиво-спокойным тоном произнесла:

– Ну, конечно же, мамочка. Ты иди ложись. Я тоже скоро лягу...

– Ну, хорошо. Надеюсь, тебе понравилось... Спокойной ночи, ребенок!

Девушка заплакала, радуясь тому, что вода из крана хлещет в ванну, заглушая все прочие звуки. Не хватало еще, чтобы мама услышала, как она плачет, потому что тогда расспросов не избежать. А так...

А так пусть считают, что все в порядке. Что вечер на даче Барковских прошел отлично. Что ее приняли по высшему разряду. *Что...*

Рита продолжала плакать.

Погрузившись в горячую воду, девушка едва сдержала крик – там, *внизу*, ее сильно обожгло. До этого она рассматривала себя в зеркало, прикрепленное к обратной стороне двери ванной, – удивительно, но за исключением пары легких кровоподтеков, никаких следов насилия на ее теле не было.

По крайней мере, *внешне*.

Уйдя под воду с головой, Рита подумала, что если не выныривать, то... То все может *быстро закончиться*. И вспомнила презрительный комментарий Гоши об угрозах Эльвиры, так же запершейся в ванной, покончить с собой. *Такие ничего себе не перерезают.*

А какие перерезают – такие, как *она сама?*

Вынырнув и закашлявшись, потому что вода попала в горло, Рита взяла бутылку шампуня и, отлив солидную порцию в ванну, стала размешивать ее в воде, глядя на образующуюся пену, сверкающую бриллиантом в свете лампы.

Какие у нее, собственно, *были возможности*? Она могла обратиться в правоохранительные органы и попытаться привлечь Барковских к ответственности. Однако она прекрасно знала, что люди они в городе крайне влиятельные. И что у нее и у ее родителей будут большие неприятности, если она попытается предать эту историю огласке.

Значит, она *обречена* молчать?

Да, молчание тоже было одной из возможностей. А что, ей ведь заплатили, причем солидно. Оставили в живых. Даже *почти до дома* подбросили. Чего она, собственно, могла ждать еще?

Судорожно натирая свое тело пеной, Рита сознавала, что ей не стоило принимать ванну, если она хотела обратиться в милицию, потому что сейчас она уничтожала следы. *Следы изнасилования*.

Улики, которые были бы необходимы для привлечения к ответственности Льва Георгиевича.

Но, похоже, она уже приняла решение. Хотя, может, и нет. И, зная, что так делать нельзя, она хотела одного: чтобы вода смыла прикосновения его рук.

Его плоти.

И что же будет дальше?

В ванной Рита просидела несколько часов. Четыре раза меняла воду, долго поливала себя то горячей, то холодной водой из душа, тихо плакала, затем снова успокаивалась, опять начинала плакать, много раз уходила с головой под покрытую пеной воду и мечтала об одном: вынырнуть, глотнуть воздуха и вдруг понять, что *ничего такого с ней не случилось*.

Только каждый раз, когда она выныривала, в голове билась одна и та же мысль: она стала жертвой изнасилования.

Наконец, чувствуя, что боль внизу живота притупилась, хотя и не исчезла, Рита вышла из ванны и, растирая тело докрасна банным полотенцем, вдруг заметила стоящий на полу пакет.

Пакет с деньгами.

Запихнув его за бак с грязным бельем, Рита вздохнула и осторожно открыла дверь ванной, из которой в коридор тотчас вырвались клубы пара.

Она знала: если ей сейчас встретится мама и спросит, все ли в порядке, она не сможет ей врать и расскажет все, как есть.

Однако свет на кухне не горел, родители давно спали, из коридора доносилось мерное щелканье настенных часов.

Не включая свет, Рита проследовала в свою комнату, плотно закрыла дверь, нырнула в холодную постель и, накрывшись с головой одеялом и прижав к себе старого облезлого плюшевого зайца, любимую некогда игрушку, а теперь своего рода талисман, подумала о том, что на занятия в университет она завтра, вернее, уже сегодня, *не пойдет*.

Потому что она была не в состоянии идти на лекции. И сталкиваться с Гошей Барковским, принцем на белом коне, вернее, на черном джипе.

Сыном человека, который ее изнасиловал.

Она была уверена, что не сможет заснуть, потому что стоило ей закрыть глаза, как она увидела перед собой нависшее над ней поджарое тело Льва Георгиевича, то напугивающее на нее, то на мгновение отстраняющееся, его закрытые в экстазе глаза и закушенную губу.

И прилипшие к потному лбу седые волосы.

Однако, хотя эти картинки и вспыхивали в ее мозгу, телу требовался отдых, и всего через несколько минут после того, как она закрыла глаза, Рита заснула.

Спала она плохо, то и дело распахивала глаза, отчего-то уверенная, что все еще находится в тайной комнате, прикованная наручниками к кровати и насилуемая Львом Георгиевичем. Чтобы убедиться, что это, *к счастью*, не так. И, перевернувшись на другой бок, снова закрыть глаза.

Боль внизу не проходила, впрочем, и не усиливалась. В какой-то момент до Риты сквозь сон долетели голоса родителей, их шаги, скрип открываемой двери. На лоб ей легла прохладная рука, раздался голос мамы:

– Ребенок, у тебя что, температура? И ты еще спишь... Тебе разве в университет не пора?

– Мне сегодня ко второй паре, – соврала Рита, радуясь тому, что лежит к маме спиной. – Так что я еще немного поваляюсь...

Поправив одеяло, мама сказала:

– Ну конечно, поваляйся. Ты себя чувствуешь хорошо? Вчера как все прошло, *точно без эксцессов?*

«*Мамочка, жаркое, приготовленное Львом Георгиевичем, было восхитительным. Ну, потом он меня три раза изнасиловал, но это мелочи. Главное, что мы можем теперь купить новый кухонный гарнитур!*»

– Мамочка, я спать хочу. Все в полном порядке. Хорошего вам с папой дня...

Мама, вздохнув, снова пощупала ее лоб, потом поцеловала Риту в щеку и удалилась из ее комнаты, прикрыв за собой дверь.

Наконец, голоса родителей стихли, хлопнула входная дверь – они ушли на работу, как всегда, вместе, так как работали в одну смену. И Рита поняла, что осталась в квартире одна.

Снова заснуть, как она ни старалась, девушка не смогла, да и спать ей больше не хотелось. Поднявшись, она побрела на кухню, включила электрический чайник и заметила заботливо приготовленные мамой с утра сырники.

Есть не хотелось, однако Рита знала, что надо. Без малейшего аппетита сжевав половину сырника, она выпила немного чая, ощущая, что притупившаяся боль внизу живота вспыхнула с новой силой.

Покопавшись в домашней аптечке, девушка обнаружила упаковку сильных антибиотиков и приняла сначала одну таблетку, а потом на всякий случай и вторую.

А что, если...

Если Барковский ее чем-то *заразил*? Наверное, надо будет пройти обследование, конечно, втайне от родителей, ведь не заявляться же в поликлинику, в которой работают отец и мама. Тогда в платной клинике – благо, деньги у нее *теперь есть*.

Стараясь не думать, чем ее мог наградить Лев Георгиевич, Рита снова отправилась в постель. Чувствуя внезапно накотившую усталость, прижала к себе плюшевого зайца и закрыла глаза.

День прошел ни шатко ни валко. Больше всего Рита боялась встречи с родителями вечером, однако она прошла на удивление беспрепятственно. Нацепив маску показной веселости, Рита просидела показавшиеся ей нескончаемыми полчаса на кухне, против своей воли поглощая вафельный торт, принесенный мамой, и на ходу изобретая детали семейного сабантуя у Барковских.

Ложь легко срывалась с ее губ, и девушка видела, что родители всему верят. У них не было ни малейшего сомнения в том, что поездка дочери на дачу к Барковским прошла отлично.

О, если бы они знали!

Но что бы они знали – то, что Лев Георгиевич Барковский *трижды* ее изнасиловал? И Гоша Барковский оказывал своему отцу-садисту, отцу-психопату, отцу-преступнику посильную помощь?

Посильную помощь в изнасиловании – как, право, *смешно!* Рита поймала себя на том, что усмехнулась своим страшным мыслям.

О, *если бы* родители знали!

Знали, к примеру, что за баком с грязным бельем в ванной спрятан пакет с деньгами, рублями и долларами, которыми Барковские откупились от нее?

Нет, не откупились – она сама позволила себя *купить*.

Сама.

– Ребенок, все в порядке? – спросила вдруг, прервав свою тираду на полуслове, мама, а отец заявил:

– Ну, не докучай ребенку своими вопросами! Видишь, она такая молчаливая и таинственная. Наверняка влюблена в своего Гошу!

Рита подняла на отца глаза, чувствуя, что их застилают слезы. Он был *прав*. Несмотря на все случившееся, она была влюблена в *своего* Гошу.

Сына человека, который ее изнасиловал.

– Что-то не нравится мне твой вид, ребенок, – заявила мама. – Такое впечатление, что у тебя температура...

Уклонившись от руки мамы, Рита заявила, что у нее все в порядке.

– Любовная лихорадка! – хохотнул отец. – Кстати, ребенок, когда твой Гоша нанесет нам, так сказать, официальный визит? Ведь если он теперь твой друг и вы уже свадьбу планируете, то пора бы нам с ним познакомиться. Ну, и с его отцом.

Отцом, который изнасиловал этого самого ребенка трижды в тайной комнате на своей даче.

Вскочив и едва не перевернув чашку с чаем, Рита удалилась с кухни, на ходу бросив:

– Думаю, никакой свадьбы не будет...

И уже из коридора услышала шиканье мамы на отца за бестактный вопрос и его оправдания:

– Ну, я же не знаю, что у них, молодежи, там! Ну, может, поссорились... Впрочем, может, все и срастется. Потому что, подумай сама, заполучить такого зятя, как этот самый Гоша Барковский, очень даже перспективно. Думаешь, он поможет мне стать завотделением?

Накрывшись подушкой с головой, Рита сделала вид, что спит, когда мама минут десять спустя навестила ее. Ведь так хотелось прижаться к ней, расплакаться, рассказать правду.

Только какую правду? *«Мама, извини. Свадьбы не будет, потому что Лев Георгиевич меня изнасиловал, а Гоша у него подельник. Ничего, если я при сложившихся обстоятельствах не смогу выйти за него замуж и папа не станет завотделением?»*

Нет, конечно. Поэтому, дождавшись, пока мама уйдет, Рита дала волю слезам, а потом уснула.

Утром, дабы не вызвать подозрений, она сделала вид, что встает и собирается на занятия в университет, потому что если бы она второй день подряд заявила, что ей «ко второй паре», родители обязательно полезли бы с вопросами.

Ненужными вопросами.

Успокаивало только то, что наступила пятница, впереди два выходных дня. Два выходных, в течение которых она должна принять решение и понять, как ей жить дальше.

И что делать.

Поэтому, усевшись на кухне и попивая чай, Рита делала вид, что собирается на учебу, желая только одного: чтобы родители как можно быстрее ушли, и она смогла бы снова завалиться в кровать.

Потому что все тело у нее уже не болело, а как-то странно ныло, внизу живота горело, хотя и не сильно, и ее охватила странная непонятная слабость.

Хотелось только спать, спать и спать.

– Ну, ребенок, хорошего тебе дня! – раздался бодрый голос отца.

А мама надвинулась на нее, явно желая приложить ко лбу Риты ладонь, но девушка увернулась и, посмотрев на часы, сказала:

– Вам пора, да и мне тоже. До вечера!

Наконец, дверь за ними захлопнулась, и Рита, еле волоча ноги – сил у нее не было вообще, как будто кто-то вытянул из нее всю энергию, – поплелась в свою комнату. Небрежно сунула под подушку плюшевого зайца и бухнулась в кровать.

И мгновенно уснула.

Проснулась она от острой боли, пронзившей ее живот. Скрючившись от внезапного приступа, Рита попыталась встать – и вдруг поняла, что у нее кровотечение. Испытывая панику и с трудом держась за стенку, Рита потащила в ванную, не зная, что предпринять.

Вызвать «Скорую»? Позвонить на работу родителям? Самой отправиться в частную клинику?

Решив, что горячая ванна поможет, Рита стала набирать воду, а когда, раздевшись, решила шагнуть в нее, вдруг ощутила новый, гораздо более сильный приступ, от которого у нее перед глазами все поплыло. Схватившись за край ванны, девушка осела на пол, думая о том, что надо дотянуться до крана с водой и закрутить его, иначе она зальет соседей.

В этот момент послышался звонок в дверь – неужели она уже залила?

Уже залила...

Открыв глаза, Рита увидела, что находится в непонятном месте, и вдруг вообразила – она все еще в плену у Льва Георгиевича. И только через несколько мгновений поняла – она в машине «Скорой помощи». Только вот *как она туда попала?*

Склонившийся над ней бородатый тип в форме парамедика произнес:

– Пациентка пришла в себя. Давление...

И Рита снова потеряла сознание.

Так продолжалось множество раз – Рита то теряла сознание, то приходила в себя и каждый раз была уверена, что находится в тайной комнате на даче Барковских. Наконец, когда она в очередной раз открыла глаза, то осознала, что ее везут на каталке по бесконечно долгому коридору. Нестерпимо сверкавшие лампы на потолке слепили ее, и Рита думала о том, что тот, кто придумал устанавливать подобные лампы в коридорах больницы, настоящий садист.

Такой же, как и Лев Георгиевич.

Рита ощутила, как ей делают инъекцию в вену, и закричала, потому что это напомнило ей то, что происходило с ней у Барковских, однако ей практически тотчас полегчало.

В отдалении раздался знакомый мужской голос:

– Я ее жених, пропустите меня к ней...

Жених? Разве у нее был жених?

Ну да, в силу своей дурачности она воображала, что был Гоша Барковский. И, хуже всего, что это был его голос – или это ей только *почудилось?*

Рита раскрыла рот, чтобы заявить во всеуслышание, что никакого жениха у нее нет, а если и будет, то им станет *точно не* Гоша Барковский, однако поняла, что ничего произнести не может.

Ни словечка.

И боль внизу живота, на какое-то время почти полностью отступившая, вернулась с новой силой.

Странно, но она опять оказалась в карете «Скорой помощи». Или она все еще куда-то ехала, а все остальное было игрой ее воображения? Рита вдруг поняла, что ей все равно. Да, *абсолютно* все равно.

Реальной была только боль, которая раздирала ее, выворачивала, оглушала.

Неужели она умрет? Что же, если и умрет, то...

То выходит, что убьют ее Барковские? Лев Георгиевич, который три раза со смаком изнасиловал ее. И его сынок Гоша, красавец-студент, принц на черном джипе, мечта всех местных барышень, заманивший ее в их семейное логово и помогавший своему отцу-садисту.

Она умрет, а они будут жить и заманивать к себе в логово новых *недалеких девственниц*. Неужели этот персональный фильм ужасов никогда не закончится?

Боль с новой силой захлестнула ее, и Рита поняла, что больше не выдержит, но ощутила, что ей снова что-то впрыскивают, и это принесло практически мгновенное облегчение. Боль не исчезла, но отступила.

А потом до нее донесся командный голос:

– В операционную, живо! Кровотечение не останавливается.

И тут Рита поняла, что умрет, и от осознания этой мысли ей сделалось легко и покойно. *Легко и покойно.*

Странно, но дальше ничего не было. Точнее, были какие-то серые тени, таинственные звуки, звяканье и уханье, и она не могла сказать, было ли это во сне или наяву.

На *этом* свете или уже на *том*.

Была мгла, которая окутала ее и упорно не желала расступаться. Рита чувствовала, что бредет по какому-то упругому туману, и каждый шаг давался ей со все большим трудом.

Наверное, это все было дурным сном, тем самым персональным фильмом ужасов, который крутился только для одного зрителя – для нее самой.

Только вот когда он закончится?

Она раскрыла глаза и уставилась в потолок, радуясь тому, что на нем не горят яркие, слепящие лампы. Свет шел откуда-то сбоку – мягкий, успокаивающий, рассеянный.

И боль... *Боль исчезла*. Внизу живота уже ничего не свербело, не тянуло, не ныло. Рита попыталась пошевелиться и поняла, что это хоть и получается, но с трудом.

Где она?

Неужели она умерла и оказалась в месте, куда попадают новые покойники?

Чистилище?

Внезапно до нее донесся голос. *Знакомый* голос.

– Как же ты всех нас напугала, *Ритка-маргаритка!*

Это был голос Гоши Барковского. Рита застонала. Нет, она *точно* не умерла. Если, конечно, не предположить, что и *там* имелись какие-то демоны в виде Гоши Барковского.

А что, если *и в виде его отца*, адвоката Льва Георгиевича?

Девушка чуть повернула голову к источнику голоса и увидела молодого человека – как всегда, неотразимого, с мягкой, на этот раз несколько испуганной очаровательной улыбкой и изумрудными глазами.

Находились они в большой и со вкусом обставленной комнате: стены в пастельных тонах, в двух углах по большой напольной вазе с желтыми гладиолусами (и это *в ноябре* – или *там*, где она теперь была, гладиолусы были круглый год?), с большим телевизором, закрепленным на особой металлической рамке под потолком.

Нет, на том свете нет ни гладиолусов, тем более в ноябре, ни телевизора в рамке под потолком, в этом Рита *не сомневалась*.

Следовательно, она *жива*. И тот факт, что в больничной палате (а это могла быть только больничная палата, но уж точно не стационар районной больницы или даже областного хирургического центра) находился Гоша Барковский, был наглядным тому подтверждением.

– Уйди! – простонала девушка, а Гоша, приблизившись к ней, потрепал ее по руке.

Рите так хотелось отдернуть руку, однако она не смогла – тело ей не повиновалось.

Неужели она снова во власти этих садистов, давших ей новую дозу наркотика, превращающего жертву в безвольную куклу?

Но на тайную комнату на даче Барковских это место не походило. Или у них было *еще одно* логово?

– Ну, Ритка-маргаритка, на твоём месте я бы не стал наглеть. Потому что ты мне жизнью обязана. Ведь когда ты сегодня в универе не появилась, я решил заехать к тебе домой и убедиться, что все в порядке. Никто не открывал, однако я видел свет в коридоре, поэтому продолжал звонить. А потом увидел воду, которая вытекала из-под входной двери в общий коридор. Ну, пришлось позвонить человечкам, которые тотчас подвалили и в два счета дверь высадили. И нашли мы тебя на полу ванной, без сознания...

Рита молчала, не зная, что сказать. В самом деле, она ведь слышала звонок в дверь перед тем, как потеряла сознание.

И это был Гоша Барковский, решивший ее проведать.

– Поэтому, не теряя времени, я организовал тебе коммерческую «Скорую». Сначала мы побывали в областной больнице, но потом папа решил, что тебя надо отвезти сюда, в коммерческую клинику одного нашего хорошего друга. Тебя уж прооперировали, причем на высшем уровне. Так что все в порядке. Хотя ты ведь запросто могла умереть, Ритка-маргаритка! И я тебя спас! Так что можешь сказать мне *спасибо*.

Вместо этого девушка, повернув к молодому человеку голову, произнесла:

– А ко мне в квартиру ты заявился, потому что тебя мучила совесть?

Гоша Барковский, вспыхнув, заявил:

– Ну, полегче на поворотах, Ритка-маргаритка! Не заявился, а *заехал*, хотя у меня у самого дел невпроворот...

Ну да, так точно, *невпроворот*. Наверное, надо прожигать жизнь богатого плейбоя и заманивать на дачу к отцу-садисту очередную *недалекую девственницу*.

– ...но все равно я решил тебя навестить, потому что понимаю, что тебе сейчас сложно...

– *Понимаешь*, Гоша? Тебя что, тоже насильовали на чужой даче? – вежливо осведомилась Рита, и молодой человек, подойдя к ней, заявил, сверкая изумрудными глазами:

– Чуть не носи! И вообще, ты понимаешь, что я тебе жизнь спас? Точнее, не столько я, сколько мой отец. Это ведь он сделал так, чтобы тебя взяли в частную клинику. Тут владелец хоть и наш знакомый, однако лечение стоит бешеных денег. А в обычной больнице, где не хватает медикаментов и оборудование на ладан дышит, вполне вероятно, ты отдала бы концы! А тут тебя прооперировали по высшему разряду.

Прооперировали...

– Интересно, а с чего мне вообще операция понадобилась, – прошептала Рита. – Запаятовала я *что-то*... А, вспомнила! Потому что твой отец меня изнасиловал и наверняка что-то там повредил. Он ведь, знаешь ли, насильовал меня трижды в особо извращенной форме...

Гоша Барковский, обогнув кровать, на которой лежала Рита, приблизился вплотную к девушке и произнес:

– Не советую тебе бросаться такими обвинениями, Ритка-маргаритка. Потому что они недоказуемы...

– Доказуемы! – запальчиво ответила девушка. – Врач подтвердит, что...

И осеклась. Внезапно ей стало ясно, отчего Барковские устроили ее в частную клинику, к тому же принадлежащую их знакомому.

Не по доброте душевной и не во искупление своих грехов, которые они таким образом заглядить, конечно же, никак не могли.

А чтобы окончательно устранить все следы изнасилования, на этот раз *хирургическим путем*.

– Что вы со мной сделали? – простонала девушка, а Гоша сказал:

– Что значит – *сделали*? Врачи тебе жизнь спасли. У тебя был какой-то там разрыв, сильное кровотечение, начался абсцесс и заражение крови. Еще бы немного, и ты бы отдала концы. А тут тебя прекрасно залатали. Знаешь, во сколько бы это вам обошлось, если бы самим платить пришлось? А так все бесплатно – *за наш счет!*

За счет его папы-садиста. Того самого, который изнасиловал ее, что и стало причиной разрыва, сильного кровотечения, абсцесса и заражения крови.

Рита заплакала, а Гоша в раздражении заявил:

– Нет, что вы, *бабы*, за люди! Тебя в лучшую клинику города положили, причем частную, тебя тут лучший хирург области прооперировал, причем также бесплатно, в отдельной палателюкс разместили, а ты недовольна. Чего тебе еще надо, Ритка-маргаритка?

«Чтобы вы, отец и сын Барковские, сели в тюрьму».

Хотя даже и не это было ее сокровенным желанием, а то, чтобы все это закончилось. А лучше всего, *никогда бы не происходило*.

Но весь ужас заключался в том, что оно произошло. И изменить ничего было *нельзя*.

– Ладно, мне пора. Я убедился, что ты вне опасности. Тут еще с недельку полежишь, все же нами оплачено, оклемаешься. И потом встанешь на ноги. Твоим родакам еще позвонят, они ведь до сих пор не в курсе...

Рита ахнула, а Гоша, чей мобильный как раз зазвенел, добавил:

– Ладно, увидимся в универе, если что. И тебе привет от моего старика. Ты ведь ему не безразлична, сама понимаешь. Иначе бы он все это не оплатил. Ну, пока, *Ритка-маргаритка!*

Он удалился, оставив Риту в шикарнейшей палате частной клиники в одиночестве. Впрочем, ненадолго, потому что появилась медсестра, приторная, как сахарная вата, облаченная в старомодную смешную форму с высокой белой шапочкой с красным крестом в волосах. Оказавшаяся, впрочем, профессиональной особой, отлично знавшей свое дело.

Однако ни на один Ритин вопрос медсестра не ответила, заявив, что скоро будет ужин, а после него вечерний обход. И тогда доктор ей все расскажет.

После ужина и в самом деле появился валяжный, еще молодой врач, который, посверкивая стеклами очков в золотой оправе, потрепал ее по руке пухлыми пальцами и сказал:

– Ну что же, милая моя, теперь все позади. Вы весьма вовремя оказались у меня на операционном столе. Еще бы пара часов, и все могло бы закончиться трагически. Благодарите своих покровителей!

Он явно имел в виду Барковских.

Доктор принялся что-то объяснять, причем на вопросы Риты он реагировал с всезнающей усмешкой, толком на них не отвечая. Наконец, Рита выпалила:

– Меня ведь изнасиловали! Вы можете это подтвердить?

Доктор, поправив очки в золотой оправе, кашлянул и ответил:

– Милая моя, вы попали к нам в таком плохом состоянии, что нам надо было вас спасти, а не о таких пустяках думать...

Изнасилование для него пустяк? Рита понимала – не даром ее запихнули именно сюда, этот скользкий врач должен был уничтожить фактические следы преступления.

Что он, судя по всему, и сделал.

– Вы сможете это подтвердить? – настаивала Рита. – Только не говорите, что нет. Ведь от вашего внимания не мог ускользнуть характер повреждений. Я сама студентка юрфака и имею представление, как производятся подобные освидетельствования. В конце концов, его можно провести *даже сейчас...*

Доктор, усмехнувшись, заявил:

– Милая моя, повторяю, нам надо было вас спасти, а не какие-то освидетельствования проводить.

– Тогда я обращусь к другим врачам! И хочу, чтобы вы меня немедленно выписали. Не желаю больше находиться в вашей шарашке! – заявила Рита, и доктор, нахмурившись, заявил:

– Делайте, что считаете нужным, милая моя. У нас не шарашка, а самая современная в нашем регионе клиника. Даже в соседних областях такого оборудования нет. Что же касается вашей выписки, то я, как ваш лечащий врач, категорически против. И дело не только в аккуратной резекции матки, а в сепсисе, который мы смогли остановить, но который надо вылечить до конца при помощи импортных антибиотиков новейшего поколения, а их в районной поликлинике вам не пропишут. Кроме того, некоторые опасения внушает мне и ваше лабильное психическое состояние, которое, однако, вполне объяснимо тем, милая моя, что...

Нет, что он только что сказал – *резекция матки?*

– Вы что, вырезали мне... матку? – произнесла, не веря своим ушам, Рита.

Доктор, поправив очки, заявил:

– Если бы мы не сделали это, милая моя, то сепсиса было бы не избежать. Понимаю, вам девятнадцать, эта новость вас ошарашила, однако я могу рекомендовать вам хорошего психотерапевта. Где же у меня была ее визитка...

Рита в ужасе смотрела на разноцветную визитку, которую добрый доктор в очках в золотой оправе положил ей на прикроватную тумбочку.

Какой же он, право, *заботливый*.

Доктор продолжал что-то говорить, посыпались латинские термины, завертелись длинные предложения. А в голове у Риты билась одна и та же фраза.

Резекция матки.

То есть, попросту говоря, они на операционном столе в этом раскрепасной частной клинике, где всем заведовал друган Барковских, *вырезали ей матку*.

И это означало не только то, что теперь никаких доказательств имевшего место изнасилования не существует.

Это было бы плохо, но жить с этим было бы *можно*.

Хотя и *с трудом*.

Это означало, что она никогда и ни при каких обстоятельствах теперь не сможет иметь детей.

И это был непреложный факт и отныне часть ее жизни – жизни девятнадцатилетней студентки провинциального университета.

– Нет! *Нет!* НЕТ! – закричала Рита.

Доктор попытался ее успокоить, она, кажется, принялась стучать ему в грудь кулаками, попала по лицу, сбила эти ненавистные очки в золотой оправе.

И даже попала доктору по носу, причем специально, от чего он противно ойкнул и отвалился в сторону, прижав обе пухлые ручки к своему шнобелю.

Потом прибежали две медсестры в своих старомодных смешных шапочках, также не сумевшие совладать с вошедшей в раж пациенткой, потом в палату влетел дюжий медбрат, который скрутил девушку, а одна из медсестер сделала ей инъекцию.

И Рита заснула.

Когда девушка проснулась, первым, что она увидела, был огромный букет непомерно больших, нереально ярких пурпурных роз на гигантских стеблях, который стоял в третьей напольной вазе напротив ее кровати.

Дверь приоткрылась, появилась одна из медсестер, кажется, та самая, что засадила ей инъекцию, причем за ее спиной маячил дюжий медбрат.

– Ну как, успокоились? Фортелей больше выкидывать не намерены?

И, не дождавшись реакции от Риты, добавила:

– К вам гости!

Рита не сомневалась, что это родители, которые, узнав о случившемся с их дочерью, примчались в клинику.

На пороге палаты действительно возникло два человека, но были это не мама с отцом. Это были Барковские – *отец и сын*.

Чувствуя, что ей делается дурно, Рита вжалась в подушку, наблюдая за тем, как Гоша с мягким клацаньем закрывает дверь палаты. А его *старик*, адвокат Лев Георгиевич, облаченный в элегантный серый костюм-тройку с нежно-розовым галстуком, в узле которого посверкивала булавка с драгоценным камнем, *наверняка настоящим*, в накинутом на плечи белом халате, подошел к кровати.

– Ритка-маргаритка, ну и задала ты нам жару! – произнес он с очаровательной фамильной улыбкой, обращаясь к ней, как к старой знакомой.

А не как к изнасилованной им девушке.

Впрочем, не исключено, что Лев Георгиевич не видел между двумя этими категориями особых противоречий.

В горле у Риты мгновенно пересохло, сердце заухало. Барковский-старший, лукаво посмотрев на вазу с бордовыми розами, произнес:

– Тебе же нравятся розы, Ритка-маргаритка?

– Не называйте меня так... – простонала девушка, и учтивый адвокат вдруг изменился: улыбка на его лице трансформировалась в злую гримасу, в изумрудных глазах засветилась ярость.

– Иначе *что*, Ритка-маргаритка? Иначе ты обратишься в полицию?

Гоша, с несколько отсутствующим видом стоявший в дверях, бросил на Риту быстрый взгляд, и девушка вдруг поняла: если отец и сын Барковские захотят, то смогут ее сейчас убить, *прямо здесь*, в больничной палате.

Например, придушить подушкой. Или впрыснуть какую-либо гадость из принесенного с собой шприца.

И им *все сойдет с рук*. Их друг-доктор, тот самый, в очках в золотой оправе, подтвердит, что у пациентки не выдержало сердце, или имела место легочная эмболия, или...

Или, или, или...

Адвокат Барковский, внезапно подавшись вперед, схватил Риту за руку и скомандовал:

– Сынок, давай!

Гоша, приблизившись к кровати, оперативно достал из кармана наручники, кажется, *те же самые*, из тайной комнаты. И так же прикрепил запястье Риты к спинке кровати больничной палаты.

Девушка завизжала, однако Лев Георгиевич схватил ее железной хваткой за горло и мягко, буквально *по-отечески*, произнес:

– Ты только пискни, и я тебя прямо здесь придушу. Не сопротивляйся, и тогда, обещаю, ты останешься в живых.

И добавил со смешком:

– *Может быть...*

Рита верила, что так оно и произойдет. А Гоша тем временем приковал ее вторую руку, после чего Лев Георгиевич, ослабив хватку на горле девушки, сказал:

– Я сейчас отпущу, и, если ты только пискнешь, это будет последнее, что ты сделаешь в своей юной жизни, Ритка-маргаритка. *Тебе это понятно?*

Рита в ужасе смотрела на него, и Барковский-старший, другой рукой слегка ударив ее по щеке, произнес:

– Тебе это понятно, *я спрашиваю?*

Судорожно кивнув, Рита дала понять, что кричать и звать на помощь не намеревается, после чего Лев Георгиевич разжал стальную хватку, и девушка жадно втянула воздух.

Адвокат же бесцеремонно стянул с Риты одеяло, задрал ее больничный наряд, и девушка ощутила его крепкие пальцы на своем бедре.

– Гм, выпотрошили тебя, стало быть... Ну, ты сама виновата, Ритка-маргаритка. Не надо было меня злить, я был бы понежнее, все бы обошлось.

Его руки заскользили по ее телу, и девушка заплакала – от обиды, от отчаяния, от безысходности.

От того, что Барковских, похоже, ничто не могло остановить.

– Отец! – предостерегающе произнес Гоша, когда его *старик*, склонившись над животом Риты, вдруг лизнул ее пупок.

Со вздохом и явным сожалением прикрыв Риту одеялом, адвокат произнес:

– Ведь я бы мог снова тебя трахнуть, Ритка-маргаритка, прямо здесь и прямо сейчас. И никто бы этому не помешал. Кстати, такая ситуация меня ой как заводит, может, в самом деле...

– *Отец!* – повторил Гоша, и Барковский-старший, усмехнувшись, заметил:

– Обычно отец контролирует сына, а у нас сын держит под неусыпным надзором отца. Гоша ведь у нас такой пай-мальчик, всеобщий любимчик, местный плейбой. Хотя если бы местные барышни знали кое-что из его многочисленных тайн, думаю, они бы полностью переменили к нему отношение.

Рита заметила, как на лице Гоши заходили желваки. Кажется, несмотря на то, что отец и сын Барковские действуют заодно, отношения в их преступном тандеме не самые безоблачные.

– Впрочем, тайны есть у всех, не так ли, Ритка-маргаритка? У моего сына. У меня самого, конечно. Ну, и теперь *у тебя тоже!*

Засмеявшись, адвокат сменил тему:

– Кстати, ты так и не ответила, нравятся ли тебе мои розы? Так да или нет?

Рита буквально выдохнула:

– Бордовые розы такие пошлые...

Брови Льва Георгиевича взлетели:

– Господи, откуда в твоей головке такие глупости, Ритка-маргаритка? Знаешь, во сколько они обошлись?

А потом, снова схватив девушку за горло, прошептал:

– А знаешь, во сколько мне обходится твое пребывание здесь? И операция? Причем я ведь мог бы заплатить немного больше, и ты бы умерла на операционном столе. Ну, анестезиолог чуток ошибся и не ту дозу дал. Или у тебя пошла внезапная аллергическая реакция на какой-то препарат. И все, твои родители готовились бы тебя хоронить...

Разжав пальцы, он заметил:

– Но мы, как я уже говорил, никакие не монстры. Однако если я чего и не терплю, так это ненужной суеты. Ты деньги получила? Жизнь тебе спасли, в частной клинике за чужой счет прооперировали? Так что же ты, Ритка-маргаритка, *волну-то гонишь?*

Склонившись над девушкой, он провел пальцем по ее шее. Рита попыталась увернуться от его прикосновений, однако, с учетом прикованных к спинке кровати запястий, это было невозможно.

– Тебе же русским языком сказали: не поднимай хай. А ты что делаешь?

Слезы покатались из глаз Риты сами по себе, она изо всех сил старалась сдержать их, но не смогла.

Ей не хотелось, чтобы этот садист видел ее плачущей, однако совладать с собой она была не в состоянии.

Вздыхнув, Лев Георгиевич отстегнул одну, а потом и другую руку Риты и спрятал наручники в карман халата:

– Это тебе будет наглядной демонстрацией того, что живем мы в городке очень маленьком, бок о бок. И что мы достанем тебя везде, Ритка-маргаритка. И не только тебя, но и твоих родителей. И прочих родственников, в том числе и детишек...

Потрепав ее по щеке, он ласково добавил:

– Думаю, ты поняла. Никакой бучи, никаких истерик. Пару дней тут еще полежишь, потом тебя выпишут. Даст бог, скоро с тобой увидимся – на юрфаке, например... Или, если будешь плохо себя вести, проникну к тебе в квартиру и трахну тебя прямо в твоей кровати. Той самой, с плюшевым зайцем...

Откуда он знает? Рита похолодела от ужаса. Ну конечно, Барковские побывали у нее в квартире, когда ее увозила «Скорая».

– Ах, если бы ты знала, какая ты соблазнительная, Ритка-маргаритка. И как тебе повезло. Проблема детей для тебя решена самым радикальным образом, можешь наслаждаться жизнью на полную катушку. Так что, если хочешь повторения нашей незабываемой ночи...

Его рука полезла под одеяло, а Гоша прикрикнул:

– Отец, *нам пора!*

Лев Георгиевич, хмыкнув, заявил:

– Видишь, как родной сын со мной обращается. Как с каким-то *преступником!*

Таковым адвокат Барковский себя, по всей видимости, не считал.

– Ну что же, нам в самом деле пора, Ритка-маргаритка. Твои папашка с мамашкой рвутся к тебе, однако их до следующего утра попридержат. А ты все обмозгуешь и примешь правильное решение.

Он смолк и, подходя к двери, добавил:

– Потому что если ты примешь неправильное, мы вернемся, Ритка-маргаритка. Мы *обязательно вернемся!*

Пожелав ей *доброй ночи*, Барковский-старший вышел. Гоша, бросив на девушку взгляд, произнес:

– Не дури, и все будет хорошо. Мне жаль, что... Что у тебя не будет детей, но ты ведь могла и умереть. А я тебе жизнь спас...

Герой! Спас ей жизнь после того, как у нее начался сепсис, спровоцированный изнасилованием, совершенным его отцом.

Лев Георгиевич, заглянув в палату, произнес:

– Кстати, если не нравятся бордовые розы, могу прислать белые. Или ты предпочтешь желтые?

– *Серебряные с золотой каймой!* – устало произнесла Рита.

Барковский рассмеялся:

– Губа у тебя не дура. Ладно, это была шутка – ты, Ритка-маргаритка, нам и так в копеечку влетела. Но я не внакладе – за все хорошее в жизни надо платить. Ну что, сын, пойдём, ты ведь сам сказал, что *нам пора!*

Когда дверь за Барковскими закрылась, Риту охватила дрожь. Да, это была неприкрытая угроза, эффективная демонстрация власти, «черная метка» от этого пиратского семейства.

На появившуюся медсестру Рита не обратила внимания – та или знала, что за кадры навещали ее только что, или именно что *не хотела* этого знать.

Но кто же мог ей помочь?

Родители?

Рита отмела эту мысль. То, что Барковские не бросают слов на ветер, было понятно. Они знали, где она живет, им было известно, где и кем работают мама и отец.

И где живут ее прочие родственники.

Правоохранительные органы?

Нет, право же, это смешно. Барковский-старший был на короткой ноге со всеми главными ментами, прокурорами и судьями – да и кто ей поверит?

Доказательств ведь *теперь* не было.

Рита думала об этом всю долгую ноябрьскую ночь, и решение пришло под утро, когда ей почти удалось забыться коротким сном.

Ну да, так и есть, все было *так просто!*

Когда наконец к ней пустили родителей, Рита вела себя как ни в чем не бывало. Родителям было известно лишь то, что их дочь увезла «Скорая» и Риту прооперировали. Она заявила, что потеряла сознание, а Гоша Барковский ее обнаружил и вызвал медиков.

Обо всем остальном она не проронила ни слова.

– Какой молодчага этот Гоша! – заявил взволнованный отец. – Я ведь с ним говорил, а он об этом даже не упомянул. Очень скромный молодой человек – такие нынче на вес золота.

Ну, или *платины*. Потому что ей молодчага упомянул не только об этом, но и о *многих иных* моментах, от которых у отца волосы на голове встали бы дыбом.

– А его отец, Лев Георгиевич, просто душка! – сказала мама. – Устроил тебя сюда, в лучшую клинику у нас в регионе, настоял на том, что оплатит все сам. Об этом мы не могли и мечтать...

– А ты ведь против него раньше зуб имела! – заметил шутливо отец, и мама запальчиво заявила:

– Ну, ошибалась! С кем не бывает!

Рита поняла, что Барковские уже обработали ее родителей, и те им ужасно благодарны за все, что Гоша с папочкой сделали для их дочери.

Если бы отец с мамой были в курсе того, что Барковские *на самом деле* сделали...

Обработал их и доктор в очках в золотой оправе, озвучив версию о том, что причина произошедшего с Ритой заключалась в большой – к счастью, незлокачественной – опухоли в матке, которая едва не стоила их дочери жизни.

И которую он удалил.

Рита промолчала, потому что *приняла решение*. Родители были крайне рады, хотя мама и пыталась утешить Риту, говоря, что уж лучше потерять матку, чем умереть самой.

О, если бы они знали!

Выписали Риту через три дня, и, оказавшись дома, она первым делом спрятала своего плюшевого зайца в кладовке.

Детство закончилось - *бесповоротно*.

А потом она пила чай с тортом на кухне вместе с родителями, наблюдая за тем, как те старательно пытаются развеселить ее и строят планы на будущее.

Внезапно последовал вопрос, которого Рита не ожидала:

– Ребенок, скажи, – произнесла мама, несколько конфузясь, – когда мы устраняли последствия потопа в квартире, то папа за баком для грязного белья в ванной нашел вот это...

Она открыла холодильник и извлекла из отделения для овощей пакет с деньгами, полученными Ритой от Барковских.

– Откуда *это* у нас? – произнесла мама, а Рита равнодушно заметила:

– Барковские дали. На лечение. Они разве об этом не упомянули?

Родителей не озадачил тот факт, что деньги оказались спрятанными в абсолютно неподходящем месте и были положены туда еще до того, как Рита – по крайней мере, по официальной версии – вообще узнала о наличии у нее «опухоли».

Раздалась охи и ахи, отец заявил, что они никак не могут принять такую огромную сумму, мама заявила, что не следует принимать скоропалительные решения, а потом они стали обсуждать, на что могли бы потратить внезапно свалившееся им на голову богатство.

Интересно, как бы они отреагировали, узнай, что это плата за изнасилование их дочери?

Раздался звонок в дверь, и Рита напряглась. Неужели пожаловали те, кого она хотела видеть *меньше всего*?

Мама еле протащила на кухню огромную корзину с *серебряными с золотой каемкой* розами. Она восхищалась чудесными цветами, а отец протянул Рите *серебряный с золотыми поперечными линиями* конверт:

– Кажется, для тебя.

Рита раскрыла его и извлекла оттуда карточку, на которой было напечатано:

«В соответствии с твоими желаниями, Ритка-маргаритка!»

Оставив родителей любоваться розами, Рита сослалась на то, что ее тянет в сон, отправилась к себе в комнату и улеглась в постель.

Но спать ей вовсе не хотелось.

Так она пролежала несколько часов, пока родители не утомнились. Потом встала, бросила взгляд на часы – было несколько минут третьего ночи.

Рита проследовала в ванную и открыла кран. Затем, зайдя на кухню, выбрала нож поострее, а в кармане халата нащупала упаковку таблеток, выданных ей при выписке из клиники, – сильное болеутоляющее, которое в больших дозах действует как снотворное.

Это было как раз то, что нужно.

Щеколды с внутренней стороны в ванной больше не было, ее сорвали во время акции спасения, а починить не успели. Впрочем, она ей и не требовалась. Родители, как знала Рита, спали как убитые.

Размешав в ванне шампунь и любуясь разноцветной пеной, девушка быстро разделась и опустила в воду. Принимать ванну ей вообще-то было пока нельзя, но теперь это уже *неважно*.

А затем, уже лежа в ванне, она одну за другой приняла все таблетки, которые были в упаковке, и буквально через минуту почувствовала, что ее клонит в сон.

После чего, не забыв закрутить кран, чтобы *не устроить* новый потоп и не разбудить тем самым родителей и соседей внизу, не закрывая глаз, полоснула ножом по запястью сначала левой, а потом и правой руки и, стараясь заглушить резкую боль, опустила руки в воду, наблюдая за тем, как белая пена окрашивается в алый цвет.

Она ведь из тех, кто не угрожает, а просто совершает то, что задумал. И она приняла решение: умереть.

Потому что тогда – и только тогда – этот фильм ужасов, в который с некоторых пор превратилась ее жизнь – завершится раз и навсегда.

Опустившись на дно ванны, девушка чувствовала, что ее тянет в сон, тянет-в-сон, *тяанеет...*

Она приняла решение умереть и была готова осуществить его.

Спасло ее то, что она, во-первых, перерезала вены на руках не вдоль, а поперек. А во-вторых, и это было главное, потому что приняла *слишком много* таблеток.

Это привело к тому, что через пару минут после того, как Рита погрузилась в сон, который должен был стать для нее вечным, она проснулась от того, что ее начало неудержимо тошнить. Организм, будучи не в состоянии усвоить такое огромное количество медикаментов, активировал силы защиты – и Риту вывернуло наизнанку.

Вероятно, она бы все равно умерла, правда, не приятной и спокойной смертью, погрузившись в сон и никогда не пробудившись. А находясь в сознании, захлебнувшись собственными рвотными массами, повиснув на краю ванной и извергая содержимое желудка на кафельную плитку.

Однако этот метод был более чем шумный, и сначала отец, а потом и мама, пробудившись от странных звуков в ванной, ринулись туда – и обнаружили собственную дочь с перерезанными запястьями, в сумеречном состоянии, на грани смерти.

И во второй раз за последнюю неделю Риту забрала «Скорая». Ее реанимировали и на этот раз доставили в областную больницу, где девушка, которая достаточно быстро пришла в себя, настояла на том, чтобы ее поместили в общую палату с другими пациентами.

На тот случай, если к ней снова решат пожаловать незваные *гости*.

Впрочем, ни Барковский-старший, ни Барковский-младший на этот раз навещать ее не стали: то ли им было все равно, то ли они были не в курсе ее попытки самоубийства. Продержав в больнице полторы недели, Рите дали направление к психологу и выписали.

Когда она снова оказалась дома, то уже знала, что ее ожидает. Отец и мама, заставив стол на кухне разносолами, расселись напротив нее и завели *важный разговор*.

– Ребенок, ты так нас напугала! Конечно, мы понимаем, что для тебя это ужасный удар – в девятнадцать лет узнать, что у тебя никогда не будет детей. Но ведь это не повод для того, чтобы резать себе вены! – заявил отец, а мама поддакнула:

– И глотать таблетки!

О, если бы они знали!

Мама продолжила:

– Как женщина, я прекрасно понимаю тебя, и как мать тоже, но вот у твоей двоюродной бабушки Зины тоже не было детей, и она ведь не отчаялась, заботилась о своих племянницах и племянниках, ее все любили...

О, если бы они знали!

– И вообще, операция ведь спасла тебе жизнь, без нее бы ты запросто могла умереть, а то, что ты потеряла сознание в ванной, и выявило у тебя наличие опухоли, которая ведь могла из незлокачественной переродиться в злокачественную, и тогда все было бы намного хуже...

О, если бы они знали!

И тут Рита подумала – а почему они, собственно, *не должны знать*? Ведь эти боль, отчаяние и одиночество, которые буквально изгрызали ее изнутри, и подтолкнули ее к тому, чтобы покончить с собой.

Теперь-то она понимала, что поступок был глупый и опрометчивый, ведь ее смерть ничего бы не изменила.

Но что изменит *ее жизнь*?

– И ведь если бы не помощь Льва Георгиевича, то...

Тут Риту прорвало. Да, они должны знать – более того, они *имеют право* знать.

И она все им рассказала.

Без ненужных подробностей, но и не утаивая важных деталей. Достаточно связно, глядя в одну точку перед собой. Ни разу не будучи прерванной и ни разу не запнувшись.

Вот теперь они знали – *всё!*

Отец заявил, что убьет «этих уродов». Мама, расплакавшись, убежала с кухни, и Рите пришлось утешать ее. Потом родители решили, что настал черед утешать ее саму, и девушка заверила, что с ней все в полном порядке.

Хотя, конечно, это было *далеко не так*.

Ей было понятно, что родители потрясены, ошарашены, раздавлены. Их уютный мирок, быть может, и покосившийся, вдруг в одночасье рухнул в тартарары.

Рита же чувствовала, что опустошена. Но в то же время понимала, что *именно это*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.